

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
**«НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ПОЛИТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**

Институт Электронного обучения
Направление подготовки 080103 Национальная экономика
Кафедра экономики

ДИПЛОМНЫЙ ПРОЕКТ/РАБОТА

Тема работы
Индустриализация российской экономики как базис социального благополучия

УДК 338.22:330.341.424(47+57)

Студент

Группа	ФИО	Подпись	Дата
3- 3Б14	Атамуратов Шухратжон Пардамуродович		

Руководитель

Должность	ФИО	Ученая степень, звание	Подпись	Дата
Преподаватель	Гасанов Магеррам Али оглы	доктор экономических наук, профессор		

ДОПУСТИТЬ К ЗАЩИТЕ:

Зав. кафедрой	ФИО	Ученая степень, звание	Подпись	Дата
Зав. кафедрой	Барышева Галина Анзельмовна	доктор экономических наук, профессор		

Томск - 2016г.

ПЛАНИРУЕМЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ОБУЧЕНИЯ ПО ООП

Код результата	Результат обучения (выпускник должен быть готов)
<i>Профессиональные компетенции</i>	
Р К 1	Способен собрать и проанализировать исходные данные, необходимые для расчета экономических и социально-экономических показателей, характеризующих деятельность хозяйствующих субъектов
Р К 2	Способен на основе типовых методик и действующей нормативно-правовой базы рассчитать экономические и социально-экономические показатели, характеризующие деятельность хозяйствующих субъектов
Р К 3	Способен выполнять необходимые для составления экономических разделов планов расчеты, обосновывать их и представлять результаты работы в соответствии с принятыми в организации стандартами
Р К 4	способен осуществлять сбор, анализ и обработку данных, необходимых для решения поставленных экономических задач
Р К 5	способен выбрать инструментальные средства для обработки экономических данных в соответствии с поставленной задачей, проанализировать результаты расчетов и обосновать полученные выводы
Р К 6	способен на основе описания экономических процессов и явлений строить стандартные теоретические и эконометрические модели, анализировать и содержательно интерпретировать полученные результаты
Р К 7	способен анализировать и интерпретировать финансовую, бухгалтерскую и иную информацию, содержащуюся в отчетности предприятий различных форм собственности, организаций, ведомств и использовать полученные сведения для принятия управленческих решений
Р К 8	способен анализировать и интерпретировать данные отечественной и зарубежной статистики о социально -экономических процессах и явлениях, выявлять тенденции изменения социально-экономических показателей
Р К 9	способен, используя отечественные и зарубежные источники информации, собрать необходимые данные проанализировать их и подготовить информационный обзор и/или аналитический отчет
Р К 10	способен использовать для решения аналитических и исследовательских задач современные технические средства и информационные технологии
Р К 11	способен организовать деятельность малой группы, созданной для реализации конкретного экономического проекта
Р К 12	способен использовать для решения коммуникативных задач современные технические средства и информационные технологии
Р К 13	способен критически оценить предлагаемые варианты управленческих решений и разработать, и обосновать предложения по их совершенствованию с учетом критериев социально-экономической эффективности, рисков и возможных социально -экономических последствий
Р К 14	способен преподавать экономические дисциплины в образовательных учреждениях различного уровня, используя существующие программы и учебно-методические материалы
Р К 15	способен принять участие в совершенствовании и разработке учебно-методического обеспечения экономических дисциплин

* Указаны коды компетенций по ФГОС ВПО (направление 1080100 ЭКОНОМИКА (КВАЛИФИКАЦИЯ (СТЕПЕНЬ) «БАКАЛАВР»), утвержденному Приказом Минобрнауки РФ от 21 декабря 2009 г. N 747

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
**«НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ПОЛИТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**

Институт электронного обучения
Направление подготовки (специальность) 080103 Национальная экономика
Кафедра экономики

УТВЕРЖДАЮ:
Зав. кафедрой

(Подпись) (Дата) (Ф.И.О.)

ЗАДАНИЕ

на выполнение выпускной квалификационной работы

В форме:

Дипломного проекта/работы

Студенту:

Группа	ФИО
3-ЗБ14	Атамурадов Шухратжон Пардамуродович

Тема работы:

«Индустриализация российской экономики как базис социального благополучия»

Утверждена приказом директора (дата, номер) №880/С от 08.02.2016

Срок сдачи студентом выполненной работы:

ТЕХНИЧЕСКОЕ ЗАДАНИЕ;

Исходные данные к работе

(наименование объекта исследования или проектирования; производительность или нагрузка; режим работы (непрерывный, периодический, циклический и т. д.); вид сырья или материал изделия; требования к продукту, изделию или процессу; особые требования к особенностям функционирования (эксплуатации) объекта или изделия в плане безопасности эксплуатации, влияния на окружающую среду, энергозатратам; экономический анализ и т. д.).

Материалы преддипломной практики, научная литература, периодические издания, интернет-источники.

Перечень подлежащих исследованию, проектированию и разработке вопросов

(аналитический обзор по литературным источникам с целью выяснения достижений мировой науки техники в

Неоиндустриализация как экономическая категория и объект исследования. Необходимость и проблемы неоиндустриализации в России. Приоритетные направления в условиях экономической

<i>рассматриваемой области; постановка задачи исследования, проектирования, конструирования; содержание процедуры исследования, проектирования, конструирования; обсуждение результатов выполненной работы; наименование дополнительных разделов, подлежащих разработке; заключение по работе).</i>	нестабильности
Перечень графического материала <i>(с точным указанием обязательных чертежей)</i>	
Консультанты по разделам выпускной квалификационной работы <i>(с указанием разделов)</i>	
Раздел	Консультант
4 Анализ компонента социальной ответственности	Феденкова Анна Сергеевна
Названия разделов, которые должны быть написаны на русском и иностранном языках:	

Дата выдачи задания на выполнение выпускной квалификационной работы по линейному графику	12.01.2016
--	------------

Задание выдал руководитель

Должность	ФИО	Ученая степень, Звание	Подпись	Дата
профессор	Гасанов Магеррам Али оглы	доктор экономических наук		

Задание принял к исполнению студент:

Группа	ФИО	Подпись	Дата
3-3Б14	Атамурадов Шухратжон Пардамуродович		

Реферат

Выпускная квалификационная работа из 109 страниц, 15 таблиц, 46 источников.

Аннотация. Рассматриваются сущность неоиндустриализации, ее значение для человека и социума, а также механизмы ее реализации в России, ключевые проблемы, связанные с неоиндустриализацией в России, а также перспективные направления развития и решения проблем, связанных с неоиндустриализацией.

Ключевые слова: неоиндустриализация, неоиндустриализм, неоиндустриальная революция, хозяйство, экономика, факторы неоиндустриализации, импортозамещение, сегментная платформа неоиндустриализации, виды и классы неоиндустриализации.

Объектом исследования являются экономические отношения, которые возникают между субъектами Российской Федерации в процессе неоиндустриализации.

Целью написания данной работы стало исследование неоиндустриализации как базиса экономического развития России.

При написании работы использовались методы обобщения, систематизации и группировки, а также экономико-математические и статистические методы анализа отчетности предприятий и данных статистики, кроме того применялись методы индукции и дедукции.

Научная новизна работы состоит в группировке теоретических знаний о неоиндустриализации, а также в рассмотрении этих знаний на примере отдельного государства – в случае данной работы, России. Результатом разработанной проблемы механизма неоиндустриализации стало толкование понятия механизма неоиндустриализации, выделение его составных элементов, раскрытие конкретных результатов их взаимодействия, обоснование сущности и его общественного предназначения, проанализирована роль данного механизма в формировании технотронных

производительных сил и в переходе российской экономики к новому технологическому укладу.

Практическая значимость результатов работы состоит в возможности ее применения при разработке стратегии развития экономики и ее анализе различными службами, а также в возможности использования результатов работы на научных конференциях, лекциях и других мероприятиях.

Индустриализация российской экономики как базис социального благополучия

Содержание

Введение.....	9
1 Индустриализация как фактор социально-экономического развития общества	10
1.1 Индустриальный комплекс и его значение в социально-экономическом развитии	10
1.2 Влияние индустриализации на общество (исторический аспект)	15
1.3 Социальное развитие в новых индустриальных странах Азии.....	22
2 Специфика российской индустриализации (и ее влияние на социально-экономическую ситуацию).....	33
2.1 Смена технологических укладов	33
2.2 Деиндустриализация в период 1990-2000 гг.	37
2.3 Социальные проблемы российской экономики	44
3 Приоритеты новой индустриализации и формирование платформы социального благополучия в России.....	52
3.1 Современная ситуация по индустриализации и ее влияние на общество	52
3.2 Становление социально ориентированной экономики рассматривается как главный вектор модернизации российского рыночного хозяйства	65
Список использованных источников и литературы	72
Приложение	74

Введение

Целью данной дипломной работы является исследование индустриализации российской экономики как базис социального благополучия.

Поставленная цель будет достигнута путем решения следующих взаимосвязанных задач:

- рассмотреть индустриализацию как фактор социально-экономического развития общества;
- выявить специфику российской индустриализации (и ее влияние на социально-экономическую ситуацию);
- определить приоритеты новой индустриализации и формирование платформы социального благополучия в России.

Предметом исследования является индустриализация экономики как базис социального благополучия, объектом – Российская Федерация.

1 Индустриализация как фактор социально-экономического развития общества

1.1 Индустриальный комплекс и его значение в социально-экономическом развитии

Промышленность представляет собой фундамент материального производства, систему, которая вносит основополагающий вклад в создание валового внутреннего продукта экономически развитой страны. Этот вклад колеблется для разных стран от 25 до 40%. Причем такие страны, как Япония, Индия, Китай, Бразилия, ЮАР, увеличили во второй половине 1990-х гг. и в первой половине 2000-х гг. долю промышленности в ВВП. Что касается России, то доля эта снизилась на 10%, причем почти при 5-кратных потерях кадров и фондов по отдельным секторам промышленности. Отдельные секторы промышленности были вообще потеряны в полном объеме.

Промышленность создает спрос на продукты различного назначения, включая и средства производства. От состояния промышленности зависит удовлетворение потребностей агентов в этих продуктах. Совокупность самостоятельных или взаимосвязанных секторов, включающих предприятия, производственные объединения, на определенной территории образуют промышленную систему.

Ранее употреблялось привычное понятие отраслей и отраслевой структуры, которая характеризовала состав отраслей, количественные и качественные взаимосвязи, что в общем и целом отражало уровень индустриального развития страны.

Современная промышленная система характеризуется не только сугубо производственными секторами, промышленными предприятиями, производственными линиями, видами экономической деятельности, но и включает ряд инфраструктурных элементов, которые сегодня создают базу развития промышленности. Речь идет о научных лабораториях, обеспечивающих высокий уровень НИОКР, внедряемых в производство, о

специальных научно-исследовательских подразделениях корпораций. За последние два десятилетия произошли два фундаментальных изменения промышленной системы: 1) реконструкция отраслевой структуры с изменением долевого соотношения влияния различных секторов на создание общего продукта в промышленности; 2) повышение значимости научных разработок, опытно-конструкторских работ с изменением структуры добавленной стоимости в сторону повышения доли наукоемкого результата.

В ходе реформ решались задачи экономии ресурсов, повышения производительности и гибкости производственных систем, автоматизации производства, применения робототехники и др.

Указанные изменения происходили не за счет ресурсов других секторов экономики, а за счет перераспределения имеющихся ресурсов в промышленности и расширения ресурсной базы для новаций, предполагающих изменение средств производства и средств труда. Кстати, именно данная направленность изменений в промышленности обусловила высокий уровень компьютеризации производства в развитых странах. Магистральный путь развития промышленности - расширение доли «безлюдной» и «безотходной» технологии, создание благ с оптимальным привлечением ресурсов, минимальным ущербом для экологической системы.

Ядром промышленности и важнейшими секторами промышленности при решении указанной задачи выступают машиностроение и металлообработка. Эти сектора аккумулируют максимально значимый объем научно-технических результатов и создают новые средства производства. Безусловно, к таким секторам можно отнести и электронное машиностроение, приборостроение, создающие средства производства для микроэлектроники и наноэлектроники.

Давным-давно опубликована детальная критика «постиндустриальной парадигмы» Белла, как и скомпилированной на его базе концепции «информационного» общества, согласно которой якобы свыше 70% занятости и ВВП в США относятся к сфере услуг.

Цифры доказывают: сегодня развитие ведущих держав движется за счет производства средств производства (в США доля средств производства в совокупном общественном продукте составляет 55,8%, в Германии - 58%, в Японии - 60%).

Доля материальных ресурсов в конечном потреблении домохозяйств превышает 65,3%, т.е. 2/3 общего объема. Лукавство и подтасовки статистики США давно вскрыты российскими учеными. Сегодня доля государственно-корпоративного сектора США в общей занятости составляет 78,4% (60,3% - занятые в материальном производстве, 1,1% - занятые в сельском хозяйстве и 17% - госсектор).

Индустриализация давно признана в качестве ключевого компонента возникновения и развития режимов социальных государств (state welfare regime). Классическим источником сравнительного анализа является работа Г. Виленского «Государство благосостояния и равенство» (Wilensky, *The Welfare State and Equality*, 1975). Опираясь на предшествовавшие труды Катрайта (Cutright) (1965), Аарона (Aaron) (1967) и Прайора (Pryor) (1968), Виленский делает вывод о том, что «экономический рост и его демографические и бюрократические последствия являются основной причиной повсеместного возникновения социального государства» (1975. Р. xiii). Согласно этой точке зрения, истоки социального государства находятся в долговременных изменениях, связанных с широким процессом индустриализации и прежде всего с распадом традиционных форм социального обеспечения и семейного уклада. Такие изменения включают экономический рост (и порождаемый им большой достаток), прирост населения (особенно старшего возраста и в городах), развитое разделение труда, формирование безземельного рабочего класса (и, соответственно, его политическую мобилизацию), рост циклической безработицы, изменение форм семейной и общинной жизни и (на более поздних этапах) растущую потребность промышленности в надежной, здоровой и грамотной рабочей силе. В эмпирической работе Катрайта, на которую опирался Виленский,

предполагается, что «охват социальной защитой наиболее тесно коррелирует с уровнем экономического развития» [Cutright, 1965. P. 537]. На основе собственных эмпирических исследований Виленский делает вывод о том, что более 85 % международных различий в социальных расходах (social security effort) могут объясняться экономическим развитием в сочетании с производными от него воздействиями доли пожилых в населении и продолжительности существования системы социальной защиты. По мнению автора, «в результате почти не остается необъясненных расхождений» [Wilensky, 1975. P. 22–25, 47].

Хотя более поздние авторы и ставили под сомнение такой акцент на исключительной значимости индустриализации в развитии государств всеобщего благосостояния, мало кто будет оспаривать важность индустриализации в общем процессе формирования социальных государств.

Однако более поздние сравнительные исследования показали, что нет прямой связи между уровнем или продолжительностью индустриализации и степенью развития социального государства. Вслед за Ууситало (Uusitalo) (1984) мы можем сказать, что значимость экономического развития в объяснении вариации в социальных расходах разных стран в большой степени зависит от размера и разнообразия рассматриваемой выборки. (Она также может зависеть от того, как измеряются такие важнейшие переменные, как «уровень социальных расходов» (welfare effort) - [O'Connor, Brym, 1988].) Таким образом, в выборках, включающих страны с очень разным уровнем развития (как, например, при сопоставлении опыта стран - участниц Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) с опытом стран Экваториальной Африки), экономическое развитие выступает как мощный индикатор роста государств всеобщего благосостояния. Однако среди более или менее развитых стран (например, в исследованиях только стран - членов ОЭСР) вариации в уровне экономического развития имеют гораздо меньшую объяснительную силу.

Современное государство всеобщего благосостояния было инновацией Западной Европы (хотя отдаленные англосаксонские форпосты в Австралии и Новой Зеландии выполняли больше, чем роль статистов на ранних этапах его развития), и именно страны (несколько) более поздней индустриализации в Западной Европе возглавили этот процесс⁸. Конечно, следует отметить тот факт, что европейские страны поздней индустриализации в глобальном контексте были одними из наиболее ранних, а в случае Германии - и мощных, индустриальных стран. (Еще в 1860 г. Байрох (Bairoch) ставил Германию и Австро-Венгрию соответственно на седьмое и восьмое места среди ведущих стран-производителей мира, хотя при этом они оказывались не только позади Франции, Великобритании и США, но и Китая, Индии и России [Bairoch, 1982. P. 284]). Если на ранних этапах распространения государств всеобщего благосостояния наблюдался переход от менее к более развитым странам, в период между 1908 и 1923 г. основным детерминантом инноваций стала географическая близость к уже существующим государствам благосостояния, а не уровень промышленного развития. После 1923 г. отмечалась четкая тенденция к принятию социальных программ странами, находящимися на более низком уровне экономического развития (за исключением Соединенных Штатов), и аналогично модели распространения индустриализации страны поздней индустриализации развивали институты государства благосостояния на более ранней стадии своего развития и на условиях более полного охвата. Внутри региона (например, в Восточной Азии или Латинской Америке) наблюдалась тенденция к тому, чтобы принимать социальные программы на более ранней стадии развития стран поздней индустриализации, следовавших за пионерами в этой области в регионе, которые сами принимали программы в области социальной защиты на более низких уровнях промышленного развития, чем те, что преобладали в Западной Европе в то время, когда такие программы только появились.

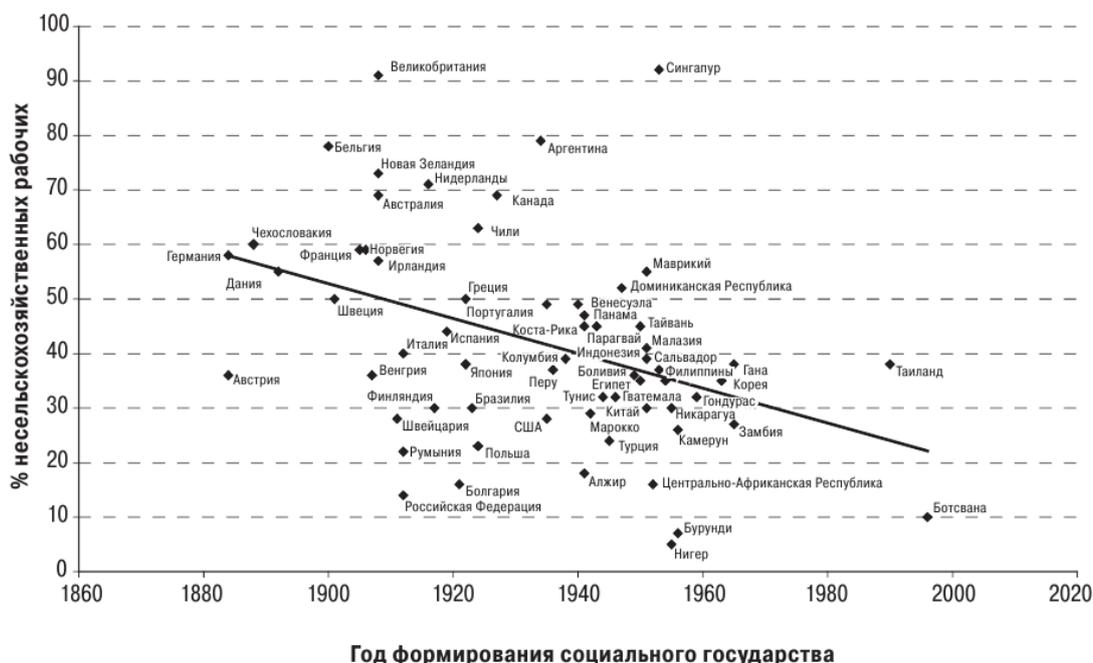

Рисунок 1.1 - Индустриализация и формирование социального государства (в мире)

На рис. 1.1 видна устойчивость этих тенденций на глобальном уровне в течение почти столетия.

1.2 Влияние индустриализации на общество (исторический аспект)

В X-IX тыс. до н.э. намечился переход к качественно новому этапу развития каменного века, получившему название неолита - нового каменного века. Неолит характеризуется прежде всего значительным совершенствованием техники обработки камня. Усложнились операции по обработке камня - появились сверление, шлифование, распиливание и другие операции. С их использованием создавались совершенно новые специализированные и высокопроизводительные виды каменных орудий, а также орудий из дерева и кости. Была изобретена технология производства тканей и глиняной посуды. Появились и совершенствовались первобытные транспортные средства (сани, лыжи, лодки). Значительно повысилась производительность труда.

Смысл неолитической революции в системе материального производства состоял в переходе от присваивающей экономики к

производящей, т.е. от охоты и собирательства к земледелию и скотоводству. Люди научились сеять хлеб, который обеспечивал бесперебойное питание. В течение всего года, разводить скот, регулярно снабжавший человека мясом (кроме того, молоком, сыром, шкурами, кожей, шерстью и др.).

Жизнь родовой общины стала более обеспеченной, стабильной; люди стали меньше зависеть от природной среды, значительно повысилось общественное благосостояние. Неолитическая революция была первым звеном цепи последовательных преобразований системы общественной жизни, в результате которых в конечном счете возникла цивилизация, а вместе с ней и наука.

Аграрно-ремесленный принцип производства господствовал многие тысячи лет. Однако во втором тысячелетии н. э. в Европе стали возникать предпосылки для промышленной революции. В XIII–XV вв. в Европе активно развивалась техника, произошел переход к достаточно сложным технологическим процессам.

Среди этих достижений можно отметить горнорудный подъемник с приводом от водяного колеса и конную откатку руды, буровую машину с конным приводом, портовый поворотный кран, сукновальню, выплавку чугуна, прокатку и волочение цветных металлов. Были сделаны первые шаги в развитии механизации с помощью водяного колеса в некоторых производствах. Нельзя не упомянуть также различные станки (сверлильные, металлообрабатывающие, токарные и др.) с ножным или водяным приводом, механические пилы и многое другое. В XIV в. для производства бумаги стали использовать прессы, которые раньше применялись для отжима винограда, производства масел и в сукноделии.

Со второй трети – середины XV в. начинается хозяйственный подъем, переросший в промышленную революцию. Необратимость изменениям придали Великие географические открытия. В этот период (так называемый «долгий шестнадцатый век»), согласно И. Валлерстайну, а также и другим сторонникам мир-системного подхода, складывается

капиталистическая мир-экономика. К концу XV – началу XVI в. в отдельных местах можно уже говорить о первичной, хотя и примитивной, промышленности.

Вторая техническая революция (промышленная революция XVIII в.) связывается с переходом от преимущественно орудийной деятельности к сравнительно крупному машинному производству. Именно производственно-хозяйственная деятельность, основанная на машинном производстве, освободившая в существенной мере человека (работника) от рутинных функций, создала предпосылки для значительного повышения производительности труда и обусловила последующий социокультурный динамизм современной цивилизации. Вместе на этом этапе цивилизационного развития были заложены основы современных острых противоречий во взаимоотношениях между человеком, техникой и биосферой.

Развитие технических средств определяется социально-экономическими факторами, ростом общественных потребностей, которые постоянно возникают, расширяются и приходят в противоречие с достигнутым уровнем технического прогресса. Это справедливо для любого вида технических средств. Машинный труд как революционизирующий элемент непосредственно вызывается к жизни превышением потребности над возможностью удовлетворить ее прежними средствами производства.

Техническая революция конца XVIII - начала XIX в. связана с изобретением и внедрением рабочих машин в ведущую отрасль промышленности этого периода - текстильное производство. Затем под воздействием потребности производства был создан универсальный тепловой двигатель в виде паровой машины двойного действия. Однако только с переходом на машинную систему производства машин были обеспечены необходимые технические условия для победы крупной машинной индустрии. К концу XIX столетия машинно-фабричное производство стало господствующим способом производства.

По мере развития технологий традиционного этапа закладывались ориентиры перехода на следующую стадию – начало промышленного развития. Его ориентирами, появлявшимися в виде инновационных идей и изобретений еще в 19 в., стали теплоэнергетика, поточные и непрерывные производственные системы, строительство мегаполисов. Эти идеи постепенно сформировали ранне-промышленную технологическую платформу конца 19 – начала 20 вв., связанную с переработкой полезных ископаемых, урбанизацией, энергетикой, континентальными перевозками и формирующимся финансовым рынком.

Зарождению промышленной технологической платформы способствовали факторы, определяющие будущее социальное благополучие (к началу 20 в.) – миграция деревенских жителей в города, освоение ими профессий в промышленности, рост общей грамотности. От государства потребовалось становление системы современных социальных гарантий – пенсий и пособий, покрывающих физические потребности человека.

На втором – ранне-индустриальном этапе (первая половина 20 в.) – рост благополучия был обусловлен технологическими детерминантами индустриального сектора – производством доступной электроэнергии, внутри- и межконтинентальными перевозками, глубокой переработкой полезных ископаемых, поточными производствами потребительских благ. «Центрами тяжести» этих технологий стали такие отрасли, как электроэнергетика, современное машиностроение, производство пластмасс, авиация, электроника.

Формировавшаяся в первой половине 20 в. технологическая платформа перехода на поздне-индустриальный этап была связана с полной автоматизацией трудоёмких, вредных и опасных производств, сервисизацией экономики и концентрацией высокотехнологичных производств в обрабатывающих кластерах США, Великобритании, Франции, Германии, Италии. Ориентирами будущего технологического развития к середине 20 в.

стали производство нематериальных благ, вычисления, изобретательство, путешествия, получение высшего образования.

Соответственно факторы роста социального благополучия, которые действовали в первой половине 20 в. и должны были определять его до конца 20 в., стали малый бизнес, профессиональное образование, международная миграция ученых и специалистов, карьера менеджера. Для реализации этих факторов от государства потребовалось регулирование трудовых отношений, взаимодействие с профсоюзами, повышение социальных выплат.

Третий – поздне-индустриальный этап роста социального благополучия (вторая половина 20 в.) – связан с приближением к исчерпанию технологических детерминант промышленного производства, с повышением роли накопления интеллектуального капитала и развитием сервисного сектора.

Технологическими детерминантами социального благополучия второй половины 20 в. являются процессы замещения человека машинами – роботизация, микропроцессинг, операции с массивами данных, глобальная логистика, вертикальная научно-производственная интеграция. Сегодня это актуально для таких стран, как Финляндия, Южная Корея, Сингапур, Тайвань. Постепенно к числу данных стран присоединяется Китай.

В этих странах формируется технологическая платформа перехода на новейший инновационно-цифровой этап социального благополучия, состоящая из широкой информатизации и дигитализации производственных процессов, интеграции научных исследований, концептуального моделирования, экспериментального и массового производства. Технологическими ориентирами социального благополучия ближайшего будущего являются «прорывные» конвергентные технологии – распределенные вычисления, лазерная информатика, геномные технологии, сетевое программирование, нано-материалостроение.

По мере постепенного развития технологической платформы будущего, достижения требуемых целевых макроэкономических и социальных

ориентиров, возможен переход к новому этапу роста социального благополучия, который будет определять его уровень в 21-м веке.

Этот четвертый – грядущий инновационно-цифровой этап социального благополучия – будет основан на таких детерминантах, как массовое вовлечение населения в информационный бизнес и инновационное предпринимательство на основе глобально диффузных сетевых информационных, нано- био-технологий. Эти детерминанты социального благополучия реализуются, прежде всего, в информационном и научном (сциентарном) секторах экономики, в которых бизнес «завязан» на обработке информации, генерации, коммерциализации и диффузии (распространении) инноваций.

Технологической платформой инновационно-цифрового этапа роста социального благополучия должна стать отраслевая конвергенция. Она заключается во взаимопроникновении и сочетании различных технологических инноваций, объединяемых общей цифровой формой проектирования, тиражирования и диффузии.

Также отраслевая конвергенция означает развитие в существующих кластерах мультиплатформенных инноваций, разрабатываемых в разных технологических платформах, но способных дать общий продукт. Примерами конвергентных продуктов можно считать безотходные технологии производства экологически чистого топлива, облачные вычисления и лазерную информатику, производство биосинтетических материалов, малую космонавтику.

Называют следующие факторы, которые будут влиять на социальное благополучие в 21-м веке: использование сетевых информационных технологий, частные инвестиции в образование, работа в сетевых кластерах, патентование изобретений и получение интеллектуальной ренты.

Сегодня на данный информационно-цифровой этап сегодня выходят Великобритания, США, Германия, Япония, стандарты благополучия в которых определяются преобладанием расходов на нематериальные блага

над материальными, благодаря бурному росту сциентарного сектора. Доля расходов домохозяйств в этих странах на поддержание здоровья, повышения уровня образования, разнообразие досуга – до 60% от доходов.

Безусловно развитие техники влияет на все стороны жизни, в т.ч. на дизайн. Переход от аналоговых и механических технологий к цифровым начался еще в конце 1950-х годов и получил массовое распространение в 1980-е годы вместе с появлением персональных компьютеров и интернета. Методы компьютерного моделирования совершенствовались параллельно с новыми технологиями производства с программным управлением, такими как 3-д печать и лазерная резка. К началу 2000-х годов они получили широкое распространение и стали применяться в производстве не только прототипов и отдельных деталей, но и законченных промышленных изделий. Этот процесс получил название «Цифровая революция» или «Новая индустриальная революция».

Современные технологии компьютерного моделирования и программно-управляемого производства вдохновляют дизайнеров на эксперименты и позволяют воплощать в материале как высокоточные математические модели, так и сложные бионические формы. С их помощью можно создавать работы по своей сложности, достигающие и даже превосходящие мастерство ремесленников прошлого. Например, Майкл Иден, получивший базовое образование в качестве специалиста по керамике и гончарному делу, соединил эти навыки с новыми возможностями цифровой эпохи. Декоративные вазы Майкла «Цветение в сером», «Водоворот IX» и «Трехмерный пиксель» представляют собой творческую интерпретацию традиционных форм сосудов, вышедшую на новый уровень детализации благодаря технологиям компьютерного моделирования и 3-д печати.

Важную роль в новой индустриальной революции занимают технологии лазерной резки и фото-офорта, позволяющие вырезать детали и воспроизводить контурные рисунки любого уровня сложности. Дизайнер

Лайм Хопкинс с помощью технологии лазерной резки производит легкие и ажурные предметы мебели и светильники из дерева и картона.

Ярким примером синтеза дизайна одежды и новых технологий стала так называемая электронная ткань, состоящая из множества небольших и долговечных led-лампочек, благодаря которым поверхность одежды превращается в светящийся дисплей для отображения информации. Международная студия CuteCircuit, базирующаяся в Лондоне, занимается созданием яркой и высокотехнологичной одежды из электронной ткани. Популярный пример, платье «Твиттер», способное в режиме живого времени отображать сообщения из популярной социальной сети.

Ключевой особенностью новой индустриальной революции становится тенденция развития от больших и обезличенных фабрик и заводов к локальным маленьким производствам, вплоть до ситуации, где один человек сможет контролировать весь технологический процесс создания и изготовления вещи. При этом форму, цвет и другие характеристики будущего предмета можно свободно изменять в зависимости от потребностей покупателя. Так, серийность соединяется с индивидуальностью, ценности и идеалы ремесленного производства – с технологиями XXI века.

1.3 Социальное развитие в новых индустриальных странах Азии

Еще четыре десятилетия назад Азия была самым бедным регионом мира. В 1949 г. наивысший среди азиатских стран средний доход на душу населения принадлежал Японии, где он составлял менее 100 дол., в то время как в Африке этот показатель равнялся 118 дол., а в США – 1453 дол.

Однако, в последующие годы страны Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) достигли значительных успехов в экономическом и социальном развитии. Начиная с 1960-х гг., страны Восточной Азии – некоторые быстрее, некоторые медленнее – начали реализовывать широкомасштабную политику, основной целью которой была

трансформация этих стран в рыночную экономику. С этого времени экономический рост в Азии был самым быстрым во всем мире. Реальный ВВП на душу населения в АТР увеличивался в среднем более, чем на 4% в год, что привело к семикратному увеличению подушевого дохода. Результатом такого значительного экономического роста стало увеличение стандартов жизни и сокращение бедности. Так, за последние сорок лет средняя продолжительность жизни в регионе увеличилась с 53 до 70 лет.

Следует отметить, что темпы экономического роста не были одинаковы для всех азиатских стран. Так, западная часть Азии в этот период развивалась приблизительно теми же темпами, что и весь остальной мир. Намного быстрее развивались десять стран Восточной Азии, хотя и в этих странах темпы роста были не одинаковы. К этим странам относятся:

- Япония;
- 4 новые индустриальные страны (экономики) – Гонконг, Сингапур, Тайвань, Республика Корея;
- 4 ведущие страны АСЕАН – Индонезия, Малайзия, Филиппины, Таиланд;
- Китай.

Самые низкие показатели демонстрировала экономика Филиппин (среднегодовой подушевой прирост ВВП около 2 %). Темпы роста Китая, Индонезии, Японии, Малайзии и Таиланда были более высокими – на уровне 3 – 5 %. Однако, наиболее впечатляющие темпы роста демонстрировали четыре экономики – Гонконг, Республика Корея, Сингапур и Тайвань, известные также как «четыре тигра» или «четыре дракона» в силу своих впечатляющих экономических достижений. На протяжении 30-летнего периода среднегодовой прирост продукции на душу населения в этих странах составлял более 6%.

Таким образом, «процесс дифференциации развивающихся государств привел к выделению особой группы стран и территорий – «новых индустриальных стран» (НИС), или «новых индустриальных экономик»

(НИЭ)». Помимо уже названных Гонконга, Сингапура, Тайваня и Республики Корея, к этим странам также принято относить Малайзию, Таиланд, Бразилию, Мексику и Аргентину.

По некоторым экономическим показателям новые индустриальные страны намного опережают другие развивающиеся страны и приближаются к развитым государствам. Среди этих показателей авторы отмечают объем внутреннего валового производства, темпы его прироста, доля в нем обрабатывающей промышленности, а также степень концентрации производства.

К наиболее значимым факторам, способствовавшим стремительному экономическому росту НИС, могут быть отнесены следующие:

- 1) факторы производства (труд и средства производства) и использование технологий;
- 2) поддержка государства;
- 3) инвестиции и экспорт как главные движущие силы развития;
- 4) специфика начальных условий в НИС;
- 5) неэкономические факторы («азиатские» ценности);
- 6) благоприятные внешние условия.

Ряд исследователей успешного экономического развития стран Восточной Азии подчеркивают роль использования технологий в достижении высоких уровней развития и обращают внимание на быстрый технологический скачок этих экономик. По их мнению, эти страны добились экономических успехов потому, что они обучились использовать технологии быстрее и эффективнее, чем их конкуренты. Так, в частности, в работе, посвященной изучению экономического развития Республики Корея, авторы А.Т. Иргебаев и В.И. Осипов отмечают, что в промышленности этой страны «поддерживается высокий уровень производительности труда»

Финансовый кризис 1997 – 1998 гг., затронувший ряд стран Восточной Азии, вызвал целый ряд дискуссий о конце «азиатского чуда». Страны Восточной Азии были подвергнуты значительной критике за ошибочную

экономическую политику, которая, как считали многие наблюдатели, и привела к возникновению хаоса в их хозяйстве. Было высказано мнение, что, возникшие проблемы были обусловлены активным государственным вмешательством в экономику. При этом успехи в экономическом развитии на протяжении нескольких десятилетий, которым, несмотря на отдельные ошибки, в немалой степени содействовало именно государство, были на время забыты.

В этот период, как теоретики, так и практики сместили свое внимание с исследования факторов роста на важность проведения политики структурных реформ для снижения отрицательного воздействия возможных кризисов, и, следовательно, для поддержания экономического роста в течение длительного периода времени. В результате этого основным вопросом дальнейшего развития стран Восточной Азии рассматривалась необходимость проведения широкомасштабных структурных реформ, особенно в финансовом и корпоративном секторах, а также усиление законодательных и регуляторных основ рыночной экономики.

Быстрое восстановление экономик Восточной Азии от последствий финансового кризиса и возвращение к впечатляющим темпам роста вызвало новую волну интереса к этим странам. Значительный рост ВВП на душу населения, увеличение ожидаемой продолжительности жизни, повышение уровня образованности населения и резкое сокращение бедности – те реальные достижения, которые пережили финансовые потрясения. Перед обозревателями возник вопрос о возникновении нового «азиатского чуда».

Специалисты отмечают наличие ряда факторов, способствующих поддержанию высоких темпов роста в новых индустриальных странах на ближайшую перспективу.

Среди основных факторов выделяют:

- преимущества от дальнейшей интеграции в мировую экономику;
- увеличение межрегиональной торговли (включая более тесное сотрудничество с Индией);

– рост производительности за счет прямых иностранных инвестиций и использования инноваций.

Восточная Азия однозначно является регионом поздней индустриализации, по сути, в этом регионе можно выделить три четкие волны поздней индустриализации. Хотя успехи развития «азиатских тигров» были предметом серьезного изучения западных социологов уже на протяжении 30 лет [Dore, 1973; Johnson, 1982], интерес к социальным программам стал проявляться относительно недавно, в частности потому, что в течение долгого времени они считались рудиментарными и остаточными. Иногда остаточный характер социальных государств Восточной Азии трактовался как один из факторов, объясняющих их экономический успех. Сейчас такое пренебрежение социальным развитием устранено и имеются многочисленные свидетельства взаимосвязи между нацеленностью на государственное развитие и социальной политикой.

Япония занимает уникальное положение среди этих стран. В сравнении с Западной Европой и Северной Америкой Япония является страной поздней индустриализации. Однако в своем регионе она стала пионером индустриализации и, как имперская держава, экспортером политик социального обеспечения (особенно в Республику Корея и китайскую провинцию Тайвань). Современное государство всеобщего благосостояния Японии является в значительной степени порождением периода после Второй мировой войны, в котором система социальной защиты была восстановлена под американской опекой. В рамках модели, характерной для этого региона, в Японии социальная политика подчинялась логике восстановления страны путем экономического развития. Проводя (успешную) стратегию экономического роста, опирающуюся на полную (мужскую) безработицу, Япония смогла избежать социальных издержек, которые сопровождали безработицу в менее успешных экономиках других стран. Посредством поощрения системы корпоративной социальной защиты (и слабых профсоюзов), вызвавшей повсеместное одобрение, правительство

сумело переместить на акторов частного рынка те социальные издержки, которые в других странах несла государственная казна. Это было легко сделать в ситуации высокофрагментированной и разделенной по профессиональному признаку системы социального страхования, практически не ориентированной на использование государства в качестве агента вертикального перераспределения. Опираясь на существующую сеть общинной и семейной социальной поддержки, правительство Японии смогло свести к минимуму ответственность государства за индивидуальные социальные услуги.

Хотя по меркам ОЭСР расходы на социальное обеспечение в Японии низкие, в сравнении с другими странами региона они, несомненно, самые высокие. За Японией следуют (с убывающим интервалом) две из четырех «стран-тигров» - Республика Корея и китайская провинция Тайвань, - общие социальные расходы которых, включая здравоохранение и государственное образование, составляют около 10 % от ВВП. Эти две страны представляют собой интересные примеры сложного взаимоотношения между поздней индустриализацией и системой социальной защиты. В обоих случаях это авторитарные государства, действующие в тесной связи с интересами бизнеса и преднамеренно проводящие политику ослабления профсоюзов, при необходимости посредством репрессивного законодательства и применения силы, в целях формирования стратегии национального экономического развития. В отличие от социального обеспечения, которое не было в этих странах приоритетом, максимизация занятости и повышение квалификации работников стали таким приоритетом. Рост благосостояния должен происходить из устойчивого экономического роста, что действительно в значительной степени имело место в контексте быстрого роста Республики Корея и китайской провинции Тайвань в 1960–1970-х гг. [Lee, 1999]. В обеих странах (как и во всей Юго-Восточной Азии) приоритетом считалось государственное образование, а уже затем и в несколько меньшей степени - здравоохранение. В обеих странах демократизация, по всей видимости,

привнесла реальные перемены в политику социальной защиты, включая усовершенствование системы здравоохранения и движение к страхованию от безработицы в Республике Корея, а также введение национального медицинского страхования и создание национальной пенсионной системы в китайской провинции Тайвань.

Опыт двух других «тигров» первой волны был иным. До воссоединения с материковым Китаем в 1997 г. тип социальной политики в Гонконге мог однозначно быть назван остаточным (residual). Имелась небольшая программа государственной социальной помощи и значительно более массовая, но отнюдь не щедрая система пособий для инвалидов и престарелых.

Общественное здравоохранение было практически бесплатным, но низким по качеству. Однако государство полностью обеспечивало начальное и среднее образование. Общие социальные расходы составляли чуть более 5 % от ВВП [Jacobs, 2000. P. 92–94]. В Сингапуре была принята иная система. С учетом того, что Сингапур представляет собой малый торговый город-государство (в структуре экономики которого доминируют услуги), государственное социальное обеспечение в нем остается чрезвычайно ограниченным. Основным социальным институтом является Центральный фонд сбережений (Central Provident Fund), созданный при Британском правлении в 1955 г. и представляющий собой программу обязательных сбережений для работников и работодателей. Первоначально фонд был создан как средство обеспечения доходов в старости, но с тех пор был расширен и включает обеспечение на покупку недвижимости, образование и сильно регулируемые инвестиции. Хотя деятельность Центрального фонда сбережений жестко регламентируется правительством, его активы не принадлежат государству и обязательные взносы направляются на индивидуальные счета. Соответственно, фонд практически не производит никакого перераспределения ресурсов.

Индустриализация является свершившимся фактом во всех экономиках «стран-тигров» первой волны. С некоторым отставанием от них расположена группа стран, находящихся на более раннем этапе индустриализации, включая регионального гиганта - Индонезию, а также Малайзию, Филиппины и Таиланд. Эти четыре страны имеют ряд общих черт: они менее промышленно развиты и менее богаты, чем их северные соседи [UNDP, 2002], интересы бизнеса имеют сильные позиции, а организации трудящихся - слабые, демократия менее консолидирована, а корпоративная социальная политика более ограничена, чем в Японии или Республике Корея. Более того, как и в случае с более северными государствами Азии, социальная политика и формирование благосостояния рассматривались в этих странах как часть (в значительной степени подчиненная) более широкой государственной стратегии национального экономического развития. Это позволяет объяснить сохраненный до настоящего времени акцент на инвестиционные элементы государственной системы социальной политики - здравоохранение и, в первую очередь, образование, - а не на поддержание уровня доходов, особенно если оно влечет какие-либо элементы перераспределения.

На фоне этих общих черт есть и некоторые важные различия. Основным институтом социального страхования в Малайзии является Фонд сбережений (созданный при Британском правлении в 1951 г.), первоначальные функции которого по обеспечению пенсионного дохода были расширены на покрытие расходов по приобретению жилья и оплате некоторых медицинских услуг. Охват системой государственного страхования от профессионального травматизма ограничен, отсутствует система страхования от безработицы или семейных пособий. Имеется национальная система здравоохранения, но она неравномерно охватывает население. Общие социальные расходы составляют около 8 % от ВВП (хотя две трети из них идут на образование). На Филиппинах социальная политика имеет долгую историю (она была заложена еще в период правления США в 1920-х гг.), но во многом остается на бумаге либо систематически

подрывается коррупцией. Положение улучшили реформы начала 1990-х гг. (по пенсиям, здравоохранению и профессиональному травматизму), но значительные группы населения - особенно занятого в обширном неформальном секторе - остались неохваченными социальными программами. В стране не предусматриваются пособия по безработице или пособия семьям. Социальные расходы составляют около 6 % ВВП (почти половина из них идет на образование).

Какие общие уроки можно вынести из опыта восточноазиатских стран? Однозначно, в Восточной Азии выделяется Япония как страна поздней / пионерной индустриализации. Восстановление экономики Японии после разрушений Второй мировой войны и, в частности, сенсационный десятилетний рост между 1963-м и 1973 г. сделали ее объектом восхищения и зависти других стран [Bairoch, 1982. P. 302–305]. Старые индустриальные державы Европы осознали преимущества, которые Япония извлекла из своей специфической модели поздней индустриализации.

Роль государства в этом промышленном развитии и, в частности, вклад Министерства международной торговли и промышленности вызывали особое уважение, так же как и опыт, по всей видимости, гармоничных производственных отношений и способность управлять экономикой при полной занятости без неконтролируемых инфляционных давлений. В то же время, очевидно, что позднее вхождение в процесс индустриализации явилось причиной того, что Япония не стала особо щедрым государством всеобщего благосостояния. Учитывая общий уровень богатства и степень индустриального развития страны, Япония в рамках ОЭСР всегда отличалась чрезвычайно низким уровнем социальных доходов, который постоянно был ниже даже уровня США.

Многие из этих выводов применимы и к широкому опыту эволюции государств всеобщего благосостояния в новых промышленно развитых странах (newly industrialized countries - NIC) Восточной и Юго-Восточной Азии. Во всех случаях поздней индустриализации государство активно

продвигало национальное экономическое развитие путем использования возможностей (прежде всего торговых), характерных для малой индустриализирующейся экономики в мире промышленно развитых гигантов. Экономический статус этих первых «странтигров» изменился, но перемены в их социальных расходах были значительно более скромными. Конечно же, это можно, хотя бы частично, объяснить своеобразием данных государств, а также периода и обстоятельств их индустриализации (индустриализация в глобальной экономике начала XXI в. - совсем не то же, что индустриализация в глобальной экономике начала XX в.). Но следует проявить осторожность и не пытаться рассматривать восточноазиатские государства всеобщего благосостояния как совершенно отличные от предшественников или предлагать скороспелые объяснения с позиции «культуры» («азиатских ценностей» или «социального конфуцианства»). Республика Корея и китайская провинция Тайвань уже сейчас подняли уровни своих социальных расходов до 10 %, и мы знаем, что с годами «стареющие» социальные программы ведут к росту расходов во всех давно существующих государствах всеобщего благосостояния.

По мере формирования изменений в демографическом профиле эти новые индустриализованные сообщества столкнутся с растущим давлением в той сфере системы социальной защиты, которая всегда остается наиболее дорогой частью государств благосостояния - обеспечении пожилых.

В этом контексте особо интересен опыт Республики Корея. Это страна поздней индустриализации, которая быстро развивалась за последние 20 лет и превратилась в одиннадцатую крупнейшую экономику мира с доходом на душу населения, аналогичным Греции и Португалии. По данным ОЭСР, эта страна меньше иных членов ОЭСР тратит на социальные нужды, но ее социальные расходы выросли с уровня в 1 % в 1965 г. до примерно 10 % от резко возросшего ВВП. Сейчас в стране действует более или менее комплексная система медицинского страхования, национальная пенсионная система (которая должна быть полностью развернута в 2007 г.¹⁹) и система

страхования от безработицы (хотя в духе времени с большим акцентом на активную политику на рынке труда, чем на компенсацию безработным).

2 Специфика российской индустриализации (и ее влияние на социально-экономическую ситуацию)

2.1 Смена технологических укладов

Основная черта общества, последующего за индустриальным, - масштабная сервисизация экономики, при которой большая часть ВВП создается в рыночном сегменте нематериальных производств. По Д. Беллу, услуги относятся к третичному (транспорт, путешествия, связь и пр.), четвертичному (торговля, финансы, т. е. сфера обращения) и пятеричному (медицинские, программные, дизайнерские услуги, образование, консалтинг, глобальное информационное поле) секторам экономики. Но в таком случае неоиндустриализация означает не просто расширение сферы услуг, а последовательное расширение их пятеричной сферы за счет уменьшения доли третичной и четвертичной сфер в ВВП.

Концепция Д. Белла основана на последовательной смене в общественно-экономическом развитии ряда стадий: доиндустриальной (добывающей, производящей сырье), индустриальной (товаропроизводящей, вырабатывающей энергию) и постиндустриальной (информационно-знаниевой). Эти стадии так или иначе представлены в экономике любой страны в виде соответствующих секторов, и их пропорции определяют уровень технологического развития (доиндустриальный, индустриальный или постиндустриальный).

Применение теории постиндустриального развития Д. Белла к структурным преобразованиям российской экономики возможно при помощи концепции «технологической лестницы» из пяти ступеней отраслевого развития: 1 - сельское хозяйство и добывающая промышленность, 2 - легкая промышленность, 3 - тяжелая промышленность (металлургия, энергетика и машиностроение), 4 - электроника, информационные технологии (ИТ) и коммуникации, 5 - «отрасли будущего» - биотехнологии, нанотехнологии, космические исследования и пр.

Из этого следует, что для перехода экономики на 5-ю (по Д. Беллу) ступень технологического развития необходимо сперва создать научно-исследовательскую, инновационно-внедренческую и производственную базы производств 4-й ступени с устойчивым рынком сбыта. Постиндустриальный «рывок» также означает оптимизацию выпуска отраслей 3-й и 4-й ступеней настолько, чтобы обеспечить ресурсами переход на 5-ю ступень.

Соответственно социальное благополучие также должно следовать за ростом доли информационных, нанотехнологических, электронных и роботизированных производств.

Применительно к России это означает необходимость восстановления и модернизации комплекса машиностроения, отраслей радиоэлектроники, энергетики и других производств 3-й и 4-й ступеней как важнейшего этапа ресурсного обеспечения структурных преобразований экономики. Этот этап необходим для использования фактора сырьевой обеспеченности становления новейших биотехнологических, нанотехнологических, рекуперационно-энергетических, информационно-вычислительных производств 5-й ступени.

Во многом это коррелирует с теорией технологических укладов, разрабатываемой первоначально Й. Шумпетером, в дальнейшем Д. С Львовым, С. Ю. Глазьевым. Обобщив их труды, следует отметить, что технологический уклад, с одной стороны, образован технологическими нововведениями определенного уровня НТО (ядро уклада как фактор формирования технологической структуры экономики); с другой стороны, технологический уклад включает в себя определенные институты, обуславливающие порядок отбора, инвестирования, применения его технологий, доступа к их плодам (таких как система образования, научно-технической политики, инновационного предпринимательства).

Каждый технологический уклад устойчив и целостен и включает все стадии общественного производства от добычи ресурсов до распределения готового продукта (Таблица П1 Приложения).

Как следует из таблицы П1, смена технологических укладов происходит циклично с периодом около одного века, но доминирует в технологической структуре экономики страны не более 40-50 лет. При этом смена укладов и глубокие изменения технологической структуры экономики происходят нелинейно и в двух последних укладах сокращаются (из-за ускорения НТП).

Квинтэссенцией структурного сдвига является адаптация основополагающих макроэкономических пропорций к условиям эндогенных и экзогенных изменений социально-экономической системы. При этом базовым фактором трансформации структуры экономики являются технологические сдвиги, вызванные научно-техническим прогрессом, порождающим новые производства, отрасли, сектора экономики и модернизирующим структуру экономики. Однако при усилении определенных факторов структурные сдвиги могут иметь технологическо-регрессивный характер, возврат к ранее доминирующим отраслям, примитивным технологиям, устаревшим экономическим институтам. Для экономики России периода рыночных реформ такими факторами стали одномоментная приватизация промышленности, составлявшей единый централизованный хозяйственный комплекс, отказ государства от финансирования НИОКР, массовый переход от промышленного производства к грондерству как доминирующей форме экономической деятельности, запоздание в формировании инвестиционной политики государства.

В этом проявляется фиаско рынка в условиях российских рыночных реформ, когда рыночные отношения не создали условия для развития производств новых технологических укладов, переливов инвестиций и рабочей силы из сырьевых в обрабатывающие производства. Напротив, произошедший отрицательный структурный сдвиг, вызванный убыточностью большинства отраслей обрабатывающей промышленности в

условиях рынка, еще больше усилил деградацию индустриального комплекса.

Поэтому нельзя игнорировать тот факт, что российской экономике предстоит в обозримом будущем пройти через еще один структурный кризис, вызванный замещением 5-го технологического уклада шестым в развитых странах. При этом для России ситуация осложнена тем, что в экономике страны происходит фактически постепенное замещение 4-го уклада третьим (доля 3-го за 1990-2010 гг. выросла с 37 % до 42 %, а 4-го – снизилась с 51 % до 47 % от ВВП); доля 5-го уклада за годы реформ сократилась втрое (с 6 % до 2 %). А доля 1-го и 2-го – реликтовых вкладов за 1990-2010 гг. выросла с 6% до 9 % от ВВП. Такая технологическая деградация означает, что сила и глубина кризиса, который намечается в наиболее технологически развитых странах и вызван сменой 5-го уклада шестым, для российской экономики могут быть более значительными и могут усугубить ее структурные проблемы.

Подтверждением тому может служить тот факт, что к технологически высокоразвитой экономике циклические смены технологических укладов происходят последовательно, но постепенно, без резкого сокращения производств старых укладов, массового высвобождения работников и недобора налогов. Напротив, в переходных экономиках как социально-экономические, так и технологические изменения происходят быстро (примером может служить технологическая деградация экономики России в 1990-х гг.), и последствия могут быть разрушительными. В частности, наметившиеся предпосылки становления 6-го уклада в российской экономике (занимаемого сейчас менее процента от ВВП) могут быть разрушены отсутствием необходимых институтов и мер финансового обеспечения. Ядро нового уклада основано на биотехнологиях, достижениях молекулярной биологии и генной инженерии, нанотехнологиях и системах искусственного интеллекта, глобальных информационных сетях и интегрированных высокоскоростных транспортных системах. При этом

вместе с зачатками 6-го в экономике России глубоко укоренились и реликтовые уклады (порядка 6 % от ВВП).

Ряд российских авторов (С. Губанов, В. Г. Наймушин, Н. В. Уколова и др.) выдвигают в качестве условий неоиндустриализации экономики России создание вертикально-интегрированных многоотраслевых государственных корпораций в процессе масштабной национализации промышленности, переход от рыночного к плано-регулируемому хозяйственному механизму. В противоположность им можно утверждать, что в России нет институтов государства, способных дать импульс межотраслевой интеграции, активизировать инвестиции крупных компаний в инновации. А институты прямого государственного управления промышленностью СССР (всеобщая госсобственность на средства производства, Госплан, централизованный отраслевой менеджмент, отраслевые лимиты капиталовложений) были разрушены на начальном этапе реформ в 1992-1993 гг. и не характерны для развитых стран, в которых формируется 6-й новейший техноклад.

В этом проявляется фиаско государства в российской экономике, связанное с тем, что прежние институты всеобъемлющей государственной собственности, централизованного директивного планирования распределения ресурсов и готового продукта были разрушены, а институты косвенного экономического регулирования оказались неэффективны. Государство не показало себя эффективным собственником даже в рентабельных сырьевых отраслях, не способным остановить экспорт капитала, старение средств производства.

2.2 Деиндустриализация в период 1990-2000 гг.

Один из признаков деиндустриализации – значительное уменьшение роли производящих отраслей в структуре экономики государства в результате переориентации на развитие других направлений или отраслей, например сферы услуг, туризма и т.п.

Нет сомнения, что деиндустриализации России – это предмет полярных споров. С одной стороны – мнение о том, что она оказалась единственной возможностью, сбросив балласт, не сорваться в пропасть полной экономической несостоятельности. С другой, - что история не знает примеров такого сознательного демонтажа промышленной инфраструктуры огромной индустриальной страны, каковым стал процесс реформ 90-х годов прошлого века.

В России на снижение конкурентоспособности российской промышленности и на спад производства в наукоемких и высокотехнологичных видах деятельности повлияло множество факторов.

Для определения стратегии выхода из кризиса и вступления в фазу экономического роста целесообразно разделить негативные факторы на первичные и вторичные. Например, к числу первичных факторов снижения конкурентоспособности отечественной промышленности и сворачивания жизненно необходимых производств относится повышение цен на энергоносители и тарифов на транспорте. Возникающая при этом инфляция издержек является вторичным фактором. Политика сокращения денежной массы при постоянном опережающем повышении цен на энергоносители и транспортных тарифов в 1990-е годы лишь углубляла кризис. Без устранения первичной причины – опережающего повышения цен на продукцию и услуги естественных монополий – мы никогда не снизим инфляцию до уровня, обеспечивающего конкурентоспособность нашей промышленности ни на внутреннем, ни на мировом рынках. В экономических публикациях достаточно полно описан опыт регулирования цен на энергоносители в США, в странах ЕС, в Японии и т.д. Обращает внимание то, что при относительно высоких темпах экономического роста эти страны импортировали дешевые энергоносители. А затем, при переходе от экономического роста к развитию, лидирующие страны изменили структуру экономики таким образом, что смогли безболезненно перенести повышение цен на нефть и газ на мировом рынке. В России же начали повышать цены

на энергоносители без необходимой перестройки структуры экономики и до вступления в фазу развития на базе наукоемких видов деятельности.

Помимо планового опережающего повышения регулируемых цен первичными причинами кризисных явлений и снижения конкурентоспособности российской промышленности стали также дезинтеграция промышленности, разрыв хозяйственных связей, разрушение технологических цепочек, ликвидация научно-производственных объединений, многих отраслевых институтов, конструкторских бюро, опытных производств, полигонов и других инновационных / инвестиционных структур промышленной сферы.

В результате развала крупных научно-производственных объединений и дезорганизации связей между предприятиями концентрация капитала в отечественной обрабатывающей промышленности резко снизилась. В это же время за рубежом происходили противоположные процессы – укрупнения промышленных корпораций в развитых странах и создания мощных фирм в Китае, Индии, Турции и в других странах. Разрозненные и ослабленные предприятия российской обрабатывающей промышленности оказались не в состоянии противостоять мощному зарубежному капиталу в заполнении внутреннего рынка импортными изделиями, а в ряде случаев в процессе приватизации стали просто легкой добычей западных кампаний.

Исторически темпы ввода основных фондов в СССР постоянно понижались с 11 % до 7,5 % в период с 1970 по 1988 г. Деграция фондовой базы с 1990 г. резко возросла, при этом инвестиции в основной капитал повышались с 1970 г. по 1990 г. включительно. Если принять 1969 г. для РСФСР за 100 %, то к 1990 г. они достигли 350 % со снижающимся темпом, что говорит об исчерпании эффективности инвестиций. Начиная с 1990 г., инвестиции в основной капитал сократились, так что к 1999 г. этот показатель оказался меньше 100 % – ниже уровня 1969 г. для РСФСР.

Станочный парк за этот период сократился более чем в 10 раз. Сокращение фондов в индустрии вследствие износа, который обгонял темпы

обновления, сокращение станочного парка, инвестиций в основной капитал сопровождались резким повышением фондового коэффициента рассредоточения доходов при сильном понижении трудовых доходов и более чем двукратном сокращении ВВП. Сейчас практически для всех предприятий промышленности России характерна достаточно высокая изношенность основных фондов, что подтверждается данными официальной статистики; это является их отличительной особенностью от зарубежных предприятий.

При этом необходимо обратить внимание на тот факт, что наибольшая изношенность основных фондов отечественных предприятий наблюдается как раз там, где, согласно мировым тенденциям развития экономики, максимально развиваются исследования и разработки, где активизация инновационной деятельности происходит наиболее высокими темпами, поскольку именно эта продукция имеет наибольший спрос на мировых рынках и способна конкурировать с международными поставщиками.

В то время как в РФ наблюдался эффект деиндустриализации, сопровождавшийся укреплением сырьевой ориентации экономики, в особенности сильный в 1990-е гг., но имеющий место и в период 2000-х гг., глобальная индустрия изменялась по последующим направлениям: сокращалась численность занятого в промышленном производстве населения при одновременном росте уровня автоматизации и использования современной техники, повышении квалификации рабочей силы и даже сокращении станочного парка при росте производительности станков, улучшении их характеристик и применении робототехники; произошла реструктуризация промышленного производства, снизилась доля индустрии в ВВП – хотя для Китая, Индии, Индонезии, ЮАР и Мексики эта доля значительно возросла в пользу транзакционных секторов; возросла интенсивность инновационного процесса, и сократились сроки смены новых поколений наукоемкой продукции и средств производства.

К тому же в структуре индустрии происходили очень осязаемые конфигурации, связанные с увеличением доли наукоемких секторов,

значимым возрастанием энерго- и ресурсосбережения. При всем этом доля издержек на добычу нужных ископаемых сокращалась для большинства высокоразвитых государств, и исключительно в РФ этот показатель значительно возрос за обозначенный период, делая даже добычу ископаемых неэффективной. Экономически развитые страны-лидеры инициировали в промышленных системах постановку и решение проблем безотходности и «безлюдности» технологий, тем самым решая вопрос стабильности экологических систем и выживания людской цивилизации с применением всеобщей автоматизации производства.

Ни для кого не секрет, что исторически резкое обострение проблемы национальной безопасности России приходится на конец 80-х – начало 90-х годов прошлого столетия, когда была разрушена советская централизованная система государственного управления. В этот период и в последующие годы произошли значительные структурные изменения в российской экономике, в результате чего в ней наблюдаются:

- разрыв в развитии финансовой и производственно-технической систем;
- разрыв в развитии между обрабатывающими производствами (продуктами), добывающим (сырьевым) сектором и сектором услуг, отчётливо выраженный в пользу добывающих секторов;
- разрыв между I и II типами воспроизводства: производством потребительских благ и средств производства;
- стирание четкой границы между государственным и частным секторами при явно выраженном нарастании разрыва в их развитии, поскольку частный сектор развивался за счет государственного сектора.

Можно выделить следующие явления, определяющие изменения российской экономики структуры в 1990-2000-х гг.:

- произошло значительное укрепление сырьевого сектора, увеличение его влияния и доли в национальной экономике, а также мощное развитие финансово-банковского сектора;

– наблюдается увеличение числа занятых в сферах услуг и уменьшение числа занятых в сферах товарного производства (расширение транзакционных секторов и рост «транзакционности» российской экономики);

– структура инвестиций в основной капитал изменилась от секторов, производящих товары, в сторону услуг (рыночных и нерыночных);

– снизилась доля научных разработок в экономике и по секторам промышленности, где отсутствует должное финансирование инноваций; задачи их развертывания не ориентированы на задачи структурообразования и управления структурными изменениями;

– внешнеторговые операции отражают сформировавшуюся структуру национального хозяйства: в экспорте преобладает сырье, в импорте – машины, оборудование, продукты питания, товары легкой промышленности, реже – технологии. Большинство конкурентоспособных направлений и технологических возможностей либо свернуто, либо утеряно.

В чем же причина того, что в Советском Союзе, стране с мощной высокоразвитой индустрией, обеспечивавшей себя всем необходимым, от высокоточных подшипников до труб большого диаметра, после его распада начался процесс деиндустриализации, процесс, продолжающийся уже больше двадцати лет и не закончившийся до сих пор?

Можно назвать три основные причины такого развития российской экономики в постсоветский период.

Во-первых, деиндустриализация – это явление не только российское, хотя в России в силу описанных выше исторических обстоятельств оно проявилось наиболее заметно. Процесс деиндустриализации развитых стран, начавшийся в середине XX века после нефтяного кризиса 1970-х, был обусловлен естественными эволюционными законами, вынуждающими компании размещать производство в странах с меньшими затратами и стоимостью рабочей силы. Глобализация, развитие виртуальных секторов экономики также способствовали уходу капитала в отрасли, обеспечивающие

быструю и высокую доходность (торговля и услуги, финансы, телекоммуникации и др.). Кризис 2008-2009 годов показал высокую зависимость развитых экономик, в которых удельный вес реального сектора экономики неуклонно сокращался в течение последних десятилетий, от финансовых и фондовых биржевых спекуляций, имевших глобальные последствия в виде ухудшения социального и экономического положения.

Во-вторых, при проведении экономической политики в годы перехода от централизованной административной системы к рыночным хозяйственным механизмам у нас не только ничего не планировали, но само слово «планирование» было подвергнуто остракизму как рудимент советской эпохи. Таким образом, реформы проводились для неких «высоких целей» с упованием на то, что рыночные механизмы сами по себе выведут нас в царство экономического процветания. При этом индустриальная мощь Советского Союза выступала исходной ресурсной базой и одновременно своеобразным платежом за такие реформы. Общим результатом этих реформ, начиная уже с 1991 года, стала деиндустриализация страны, особенностью которой явился, к великому сожалению, ее перманентный характер, причем деиндустриализация была релевантной к динамике экономических трендов, т.е. происходила вне зависимости от того, наблюдался ли в экономике абсолютный и очень глубокий спад (как в 1990-х годах) либо рост (как в 2000-х). Изменению подлежала лишь ее скорость и глубина, что связано также и с объективными потерями трудовых, капитальных и интеллектуальных (технологических) ресурсов, а также с разрушением единых производственных систем СССР.

И, наконец третья, менее явная, но от этого не менее существенная причина того, что процесс деиндустриализации в России обрел поистине катастрофические размеры, заключалась в активно внедряемой в общественное сознание модели обогащения любой ценой. В российских условиях эта модель породила масштабную коррупцию, отягощенную nepотизмом и криминальной составляющей, что привело к злокачественному

перерождению основ управления промышленным производством. Логика чиновника-управленца до примитивного проста: действительно, при утраченном государственном контроле зачем нужно развивать отечественное производство, если в результате будет много ответственности, но не будет обеспечен собственный доход. Гораздо проще заключить многомиллионный контракт с зарубежной фирмой и получить от нее за это приличное вознаграждение (в «специальной» терминологии именуемое «откат»).

Т.о., процесс деиндустриализации экономической системы нашей страны вследствие указанных выше причин характеризуется следующими признаками:

- рост номенклатуры импортной продукции, увеличение количества импортных комплектующих в изделиях отечественного производства;
- утрата многих рабочих профессий, снижение квалификации персонала обслуживающего производство;
- снижение качества техники, технологий и выпускаемых изделий, сокращение уровня механизации и автоматизации производства;

Деиндустриализация, таким образом, стала доминирующей формой структурных изменений российской экономики в период рыночных реформ. Она сама по себе носит структурный характер, так как обусловлена не только сокращением промышленного производства и его технологической деградацией, но и уменьшением доли занятых в промышленности, возрастанием доли убыточных предприятий, увеличением экспорта сырья и импорта его переработки, выходом финансового сектора на место основного получателя инвестиций.

2.3 Социальные проблемы российской экономики

Проблемы изменения социальной структуры, взаимообусловленные всем комплексом проблем деиндустриализации российской экономики, проявляются в ее структурной десоциализации. Ее можно определить как

разрыв многих социальных связей под влиянием отрицательного структурного сдвига, произошедшего в период российских реформ.

Конструкция социальных связей была в полной мере раскрыта Т. Парсонсом как совокупность людей и механизмов их мотивации, социальных ситуаций (собственность, деньги, власть, статус, право и пр.), согласованные «ролевые» действия и их результат (получение благ). Система социальных связей определяется такими и переменными, как ценности, нормы и правила (социальные институты), коллективы и роли в них для людей, социальные группы и элиты.

В основе структурной десоциализации российской экономики лежит разрыв определенных социальных связей.

I Коллапс приоритетных социальных групп - «таргетных» элит. Наиболее целевая и престижная группа в СССР до середины 1980-х гг. - инженерные работники основа экономики индустриального типа. «Таргетные» группы формирующегося в передовых странах постиндустриального общества - инновационная, инженерно-творческая, знаниевая. Технологическая примитивизация российской экономики и деградация производства вывели на место элиты группы, присваивающие сырьевую и административную ренту (менеджеров добывающих компаний и чиновников), а также перераспределяющие (грюндеры-предприниматели, коммерсанты). В России эти группы не имеют устойчивых связей ни с «производящей» группой инженеров и производственных менеджеров, ни с «креативной» информационно-знаниевой, поскольку не содействуют ни восстановлению обрабатывающих производств, ни импорту новых технологий.

2. Деградация социальных ситуаций - проведение приватизации промышленности в условиях экономического спада и финансового кризиса 1990-х гг., неурегулированность прав интеллектуальной собственности, административный прессинг государством предпринимательства и «устранение» субъектов рынка, национализация финансовых и банковских

активов в конце 2000-х гг., олигархизация экономики. Это стало следствием негативных изменений в структуре факторов производства российской экономики, в которой сырьевая рента вышла на место основного источника корпоративных, государственных и личных доходов, предпринимательская инициатива сдерживается про-фискальной экономической политикой, а интеллектуальный капитал вообще не находит применения. И именно деградацией социальных ситуаций можно объяснить нарастание многократного разрыва между низшими и высшими слоями российского общества.

«Социально-слоевая» структура российского общества рассматривалась А. В. Воронцовым, Т. Н. Заславской, Д. С. Львовым и др. Обобщая их работы, можно выделить следующие слои российского социума.

Верхним можно назвать относительно узкий субэлитный слой, обладающий наиболее высоким экономическим, статусным и властным потенциалами и возможностью влиять на трансформационный процесс (крупные предприниматели и топ-менеджеры, ответственные чиновники).

Более массовый средний слой объединяет социальные группы с потенциалом выше среднего и успешными возможностями адаптироваться к новой социально-экономической ситуации (мелкие предприниматели, менеджеры небольших предприятий, высококвалифицированные специалисты, среднее звено бюрократии, высшие офицеры).

Базовый слой-основная часть современного российского общества - сложился из групп массовой интеллигенции (инженеров, учителей, врачей и пр.), служащих, квалифицированных рабочих, фермеров, работников торговли и сферы услуг. Основные его усилия в современных условиях направляются не на преобразование социальной действительности в соответствии с собственным интересом, а на адаптацию к тем изменениям которые происходят по инициативе других, часто на поиск путей выживания.

Нижний слой российского общества имеет невысокий деятельностный потенциал и не способен адаптироваться к условиям переходного периода

(пожилые, малообразованные граждане, люди без профессий и безработные, беженцы, криминальные элементы). Для него характерна замкнутость социальных связей рамками данного слоя, десоциализация, утрата навыков легитимной общественной жизни.

Социальная структура российского общества в разрезе данных четырех слоев отражена в таблице 2.

Таблица 2. – Динамика структуры социальных слоев трудоспособного населения России, %

Социальные слои	1992	1995	1997	2001	2005	2009	2012	2013
Верхний	5	6	6	5	7	8	6	8
Средний	13	15	18	16	18	16	14	12
Базовый	73	70	66	65	64	66	64	68
Нижний	9	9	10	14	11	10	16	12
Всего	100	100	100	100	100	100	100	100

Из данных таблицы 2. можно сделать ряд выводов. Во-первых, с началом реформ (к 1995 г.) сформировалась социальная структура российского общества, которая демонстрирует достаточную устойчивость на протяжении всех лет рыночных преобразований.

Во-вторых, социальное расслоение привело к тому, что на верхний и средний слои приходится четверть экономически активного населения (25 % в 2005 и 20 % в 2013 г.), что почти втрое меньше, чем в наиболее развитых странах. Напротив, базовый слой, борющийся за выживание, составляет две трети российского общества (в 2009 г. - 66 %, в 2013 г. - 68 %), а в сумме с нижним слоем - превышает три четверти (в 2001 г. - 79 %, в 2009 г. - 76 %, в 2013 г. - 80 %). Такую ситуацию не может исправить даже рост среднего (с 13 % в 1992 г. до 18 % в 2005 г. и 14 % в 2012 г.) и высшего (с 5 % в 1992 до 8 % в 2009 и 2013 гг.) слоев, который выглядит незначительным на фоне доминирующего базового слоя.

В-третьих, неудовлетворительное положение базового слоя, который в индустриальной экономике с наиболее развитым 4-м укладом (что характерно для России) выглядит парадоксальным, поскольку именно

промышленные рабочие, служащие, работники сферы обращения составляют его социальную основу. Поэтому очевидно, что проблема деформированности социальной структуры российской экономики обусловлена проблемами в ее воспроизводственной, отраслевой, сегментной, конкурентной структурах. В частности, преобладающая сырьевая рента гарантирует не высокую зарплату для всего населения, а лишь предпринимательский доход, присваиваемый ограниченной частью собственников и перераспределяемый узким кругом чиновников (в том числе в теневой форме). А высокая ресурсоемкость и низкая производительность труда, рост которой за 2006-2013 гг. составил 21 % в целом по экономике России (при росте средних доходов в 1,4 раза) существенно снижает возможность увеличения доли заработной платы в издержках. Дополняет круг этих проблем высокая монополизация экономики и концентрация промышленного производства в ограниченных территориальных комплексах, затрудняющая мобильность рабочей силы и переток предпринимательского капитала.

Депривация мотиваций к созидательному труду. Если на доиндустриальном этапе наиболее ценным для общества созидательным трудом был аграрный, а на индустриальном - труд в промышленности, то по мере приближения к постиндустриальному этапу возрастает общественная ценность научного творчества, создания нематериальных ценностей. В российской экономике нарастающие проблемы отраслевой и инновационно-технологической структуры привели к ослаблению мотивации производительного, добросовестного труда в промышленности и принижению социального статуса инновационной деятельности. Но такая мотивация не находит поддержки ни среди населения, ни среди предпринимателей. Напротив, работодатели оценивают безусловную лояльность и беспрекословное подчинение работников гораздо выше их изобретательности, добросовестности, производительности, что лишает их труд дополнительных стимулов и занижает его цену.

Негативные изменения социальных ролей и их результата. В ходе деиндустриализации российской экономики, снижения инновационно-технологического уровня промышленности и старения средств производства неизбежно снижается уровень индивидуализации возможностей и потребностей работников. Российское общество постепенно «избавляется» от эффективных предпринимателей, инноваторов, ученых и изобретателей; их число неуклонно сокращается (за период 1992-2012 гг. - в четыре раза). В результате укрепляется «порочный круг» структурной десоциализации: ухудшение сегментной, конкурент-ной структуры (сокращение рыночного сектора, усиление администрирования и монополизации экономики) - снижение роли интеллектуальной и предпринимательско-производящей элиты -повышение роли чиновно-сырьевой элиты - дальнейшее ослабление рыночного сектора и конкуренции. Не противодействуя ему, государство лишает экономику социальной основы неоиндустриализации, «цементирует» производства с высокими издержками, основанные на добыче невозобновляемых природных ресурсов. Напротив, в высокотехнологичных отраслях процесс создания «образцов» высоко затратен, а их массовое производство очень дешево, на чем и строится сегодня будущее экономическое могущество и социальное благополучие передовых стран. Однако в России принижение социальной роли генераторов инноваций и носителей знания, анти-инновационная экономическая политика делают создание именно интеллектуальной собственности высокозатратным и неконкурентным.

Снижение социальной мобильности, замедление важнейших социальных лифтов, прежде всего, высшего образования, научной деятельности и получения ученых степеней. Это не может не ухудшить структуру персонального распределения доходов. Так, децильный коэффициент (разрыв в доходах 10 % самых богатых и самых бедных) в России в 2010-2013 гг. составил 17-18 раз (в Швеции - 4, в Германии - 6, в США - 9). Высокий уровень вертикальной, в том числе межпоколенной

социальной мобильности, факторами которой являются профессиональная карьера, малое и среднее предпринимательство, инновационная деятельность, сервизация экономики, наблюдается сегодня в США, странах Западной Европы. Именно благодаря развитию информационных технологий, высокотехнологичных производств товаров и услуг там ускоряют я упомянутые нами выше социальные лифты, и новое поколение становится более успешным, не наследуя капитал, а приобретая знания и реализуя их в инновационном предпринимательстве. Не случайно в США в первой тридцатке миллиардеров одиннадцать представителей хай-тек. В России, напротив, наблюдается тенденция к наследованию административных постов и формированию «чиновного капитала», распространенного в странах «третьего мира».

Последствия структурной десоциализации российской экономики также связаны с проблемами ее воспроизводственной, отраслевой, территориально-кластерной структуры и включают в себя следующие.

1. Производительность труда в целом по российской экономике ниже, чем в США и Западной Европе, по промышленности - в 2,6 раз, в сельском хозяйстве - в 3,1 раза . При этом, по экспертным оценкам, 54 % валовых доходов населения генерируется не индустриальной, а торгово-посреднической, административной, финансовой, арендной деятельностью; при этом доля «теневых», неучтенных доходов достигает 20 %.

2. Возможность трудоустройства сообразно поручаемой квалификации и соответствие оплаты труда профессиональному статусу. Если в США доходы специалистов с высшим образованием превышают доходы работников без него в 2,1 раза, то в России - в 1,4 раза (без учета госслужащих). В Восточной Европе более 70 % выпускников вузов работают по специальности, в Западной Европе - более 90 %, в России - менее 60 %. Это указывает на слабую связь между образованием как социальным лифтом и источником роста благосостояния населения России.

Территориальная мобильность населения и доступность транспортных услуг. Если для европейских стран характерна внутренняя миграция населения из аграрных территорий в промышленные, то в России – из аграрных и промышленных в финансовые центры (прежде всего, в Москву и Санкт-Петербург). Многократный разрыв в доходах между занятыми в Москве и прочих регионах (в среднем 4,5-5 раз), привел к огромной разнице в уровне потребления их населения, когда 11 % процентов населения России, проживающего в Москве, потребляют до 45 % услуг.

Таким образом, социальные проблемы российской экономики во многом вызваны отрицательным структурным сдвигом и имеют характер десоциализации - разрыва значимых связей в социальной структуре. Ее и преодоление требует решения проблем всего комплекса структуры российской экономики, связанного с ее индустриализацией - восстановлением обрабатывающей промышленности на новой технологической основе, использования для этого потенциала сырьевой обеспеченности.

3 Приоритеты новой индустриализации и формирование платформы социального благополучия в России

3.1 Современная ситуация по индустриализации и ее влияние на общество

В отечественной экономике начиная с 2013 г. стагнация перемежается с автономной рецессией. Экспортно-сырьевая модель дошла до точки: она перестала генерировать даже номинальный, монетаристский рост, обеспечиваемый инфляцией нефтедоллара, и не в состоянии ни пополнять золотовалютные резервы и бюджет, ни поддерживать инвестиционный и конечный спрос. Раньше был рост без развития; теперь же нет ни развития, ни роста.

Драматически изменилась в конце 2013 г. и внешнеполитическая ситуация, добавив ко всем прочим еще одно грозное и болезненное противоречие. Стремительное осложнение обстановки на украинском направлении обязывает выступать субъектом геополитики, тогда как экономически Россия готова пока быть не больше, чем геополитическим объектом.

Как показал практический опыт последнего десятилетия, частичной национализации экспортно-сырьевой ренты, проведенной в начале 2000-х гг. с помощью налогового рычага НДС, мало и недостаточно.

Среди специалистов преобладают две точки зрения на промышленный потенциал современной России. Согласно первой, промышленность России, за небольшим исключением, неконкурентоспособна, и делать на нее ставку нерационально. «Россия вошла в мировой рынок как страна, добывающая и экспортирующая продукты первого передела (минеральное сырье), поэтому переход на экспорт продуктов второго и последующего переделов будет длительным, капиталоемким и далеко не всегда оправданным с экономической и политической точек зрения», – пишет С.Кимельман.

Вторая точка зрения такова, что промышленные структуры – это «становой хребет» национальной экономики и в чрезвычайных ситуациях

(а сегодняшнее положение дел в промышленности, несомненно, можно отнести к их числу) государство должно обеспечить им необходимую помощь и поддержку. «Мы уверены в ошибочности мнения о том, что наша страна настолько отстала..., что для нее выгоднее покупать продукцию за рубежом, чем разрабатывать свои технологии», – убежден О.Сухарев.

Вся экономическая история свидетельствует, что национальным интересам соответствует политика, направленная на создание преференциальных условий для развития обрабатывающей промышленности, с потребностями которой связаны все основные достижения НТП, и которая сама выступает основой модернизации других сфер экономики. Еще в XVIII в. итальянский экономист Ф.Галиани утверждал, что «от обрабатывающей промышленности можно ждать исцеления двух главных болезней человечества: суеверности и рабства». Д.Юм писал об окружном пути повышения эффективности сельского хозяйства – через развитие обрабатывающей промышленности. Эта мысль верна и сегодня, в том числе для отраслей, связанных с добычей ресурсов.

Диверсификация экономики – это не краткосрочная задача, это длительный процесс, носящий стратегический характер. Среди экспертов нет единого мнения касательно того, что здесь нужно делать, тем более что инструменты и мероприятия, успешные в одной стране, приводят к провалам в другом государстве. Называется ряд стратегий, теоретически способных обеспечить диверсификацию рентно-сырьевой экономики и устранение перекосов, вызванных фактически частным присвоением природной ренты: прямые инвестиции в избранные несырьевые отрасли; инвестиции в инфраструктуру и сферу образования в интересах развития всех несырьевых отраслей; развитие финансовой системы, как посредника по привлечению средств, вырученных от реализации сырьевых продуктов, в несырьевые отрасли экономики и др. В общем, поиски «слабого звена», через которое можно было бы «разорвать» рентно-сырьевой контур

экономики, ведутся по разным направлениям и предлагаются разные подходы и оценки.

Так В.Морозов считает, что «наращивание монетарных инвестиций в обрабатывающие отрасли» едва ли можно считать таким звеном, поскольку «подобный вариант преодоления деиндустриализации может обернуться лишь приватизацией бюджетных расходов». Более эффективным вариантом, является развитие потребительского сектора, привязка потребителя к отечественной продукции посредством дешевого кредита. Покупатель через «голосование рублем» поможет определить перспективные направления для промышленных инвестиций, и внимание правительства будет направлено «не на бессистемное расходование бюджетных средств, а на стимулирование внутреннего спроса, прежде всего, потребительского», что приведет к росту инвестиций и созданию рабочих мест в обрабатывающей индустрии.

С другой стороны, оппонирует М.Соколов, в стране регулярно воспроизводятся ситуации «опережающего инфляционного роста спроса по отношению к предложению». Равновесие же восстанавливается не за счет роста внутреннего производства, а за счет импорта, который «теснит» продукцию несырьевых отраслей на внутреннем рынке. Например, за 2005-2010 гг. объем импорта в России увеличился в 6,8 раза (экспорт – лишь в 3,9 раза). Выход из ситуации исследователь видит в росте инвестиций в основной капитал обрабатывающей промышленности. Причем концентрировать инвестиционные ресурсы следует «не столько на прорывных инновациях, сколько на массовом производстве обычных потребительских товаров» в тех отраслях, которые обеспечивают массовую занятость населения: текстильная промышленность, деревообработка и изготовление мебели, производство косметики, сельхозпроизводство и т.п.

Многие исследователи «слабым звеном», с которого следует начинать преодоление рентно-сырьевой модели развития отечественной экономики,

считают модернизацию инфраструктурных секторов, делают упор на необходимость увеличения госинвестиций в инфраструктурные проекты. В качестве источника финансирования инвестиций предлагается использовать поступления от нефтегазовых доходов. По мнению других, отечественная экономика в своем нынешнем состоянии не может эффективно использовать нефтедоллары. Уже реализуемые инвестиционные проекты (спортивные объекты, дорожное строительство и др.) демонстрируют низкий уровень эффективности.

Альтернативой государственным инвестициям являются частные, а чтобы они увеличились, необходимо работать над снижением процентных ставок.

Заметим, что хотя в теории идея инфраструктурной модернизации кажется очень привлекательной, на практике существует масса препятствий для ее реализации. Приведем только один пример.

В нашей стране при строительстве многоквартирного дома застройщикам требуется пройти в среднем 100 официальных административных процедур (потратив на это около трех лет и миллионы рублей), плюс 129 дополнительных, не регламентированных федеральным законодательством¹⁰⁰. В целом, стоимость разрешительных согласований в России в 40 раз больше, чем в странах ОЭСР.

В ситуации, когда основным ограничителем позитивных изменений выступает плохая институциональная среда, государственные ресурсы, выделяемые под цели инфраструктурной модернизации, частично трансформируются в административную и коррупционную ренту чиновников, частично разворовываются бизнесом.

Как варианты диверсификации сырьевой экономики, эксперты выделяют вертикальную и горизонтальную промышленную политику. Вертикальная политика предполагает установление благоприятного режима функционирования (через снижение налогов, предоставление субсидий, государственные инвестиции, защиту от иностранной конкуренции и пр.) для

конкретных отраслей промышленности, прямо не связанных с добычей ресурсов. Мероприятия в рамках горизонтальной политики создают стимулы для диверсификации «без упора на конкретные сектора, путем повышения доходности частных инвестиций в физический и человеческий капитал во всех отраслях экономики». Данный набор мер включает в себя развитие систем образования, здравоохранения, инфраструктурного обеспечения т.п.

Практика показывает, что в условиях слабых институтов реализация мер вертикальной политики создает дополнительные возможности для извлечения ренты, предоставляя регулятору свободу действий. Кроме того, современный мир крайне динамичен и непредсказуем. Технологии меняются столь стремительно, что с позиции сегодняшнего дня невозможно предугадать завтрашние точки прорыва, с тем, чтобы загодя направить туда финансовые и материальные ресурсы государства. Даже деловым людям трудно «держать нос по ветру», чего уж ожидать от «государевых людей». Задачу поиска прорывных направлений развития должен решать частный бизнес, а дело государства – обеспечить бизнесу необходимые для этого условия. К тому же сегодня деление отраслей экономики на передовые и отсталые теряет смысл: в развитых странах даже в сельском хозяйстве и добыче полезных ископаемых, которые во все времена причислялись к числу традиционных и примитивных отраслей, сегодня применяются сверхновые технологии. Некоторые из них (технология добычи сланцевого газа) оказались способными изменить даже геополитический баланс.

По мнению Даниленко Л.Н., хотя в условиях слабости институтов мероприятия горизонтальной политики также сложно реализовать, предпочтение все же следует отдать этому варианту диверсификации. В любом случае, упор следует делать не только на ключевые направления, связанные с формированием нового технологического уклада (био- и нанотехнологии, космические технологии и пр.), но учитывать фактическое место страны в МРТ. Сегодня значительная часть промышленности связана с добычей и переработкой природного сырья.

Модернизация сырьевых отраслей, ТЭК, химической и металлургической промышленности способна дать стимул развитию смежных высокотехнологичных отраслей.

Мировой опыт модернизации экономики свидетельствует, что отправной точкой в этих процессах служило ускоренное развитие, прежде всего, потребительского сектора экономики: легкой промышленности, транспортной инфраструктуры, жилищного строительства. Например, в Великобритании капитализм возник как шерстяной, в России – как ситцевый, и только в начале прошлого века наша страна совершила рывок от текстильных фабрик до передовых, по тем временам, металлургических и машиностроительных заводов. В современной России огромные резервы технологической модернизации имеются в жилищно-коммунальном хозяйстве, в системе государственного управления, в сельском хозяйстве.

Хотя проблемы трансформации рентно-сырьевой модели развития экономики не сводятся к вопросу достаточности финансирования (по оценкам исследователей, реализация программы новой индустриализации потребует от 43 до 70 трлн. руб.), трудно не согласиться с той мыслью, что «особую роль в преодолении деиндустриальной инерции... должны сыграть назревшие радикальные меры в финансовой сфере». Совершенно очевидно, что меры по диверсификации экономики должны включать не только промышленную политику, но и инструменты финансового развития.

К традиционным мероприятиям финансовой политики государства, способствующим диверсификации экономики, относится использование налоговых инструментов. В этом направлении имеется немало резервов, поскольку сложившаяся в России налоговая система, нацеленная на сырьевые налоги, обеспечивающие половину доходов федерального бюджета, носит сугубо фискальный характер, не способствует эффективному распределению рентных доходов между участниками процесса «создания» ренты и обществом в целом. С нашей точки зрения, целесообразна

определенная корректировка налоговой системы РФ не только в части подоходного.

Представляются иллюзорными попытки выстроить социально-экономическую модель развития России с упором на финансовую систему «с конвертируемым рублем, емким фондовым рынком», в которой, якобы, «будут функционировать крупные рыночные фонды «длинных» денег – фонд накопительных пенсий (будущее которых уже под большим вопросом), страховые и паевые», а «для значительной части населения будут доступны ипотечные и автокредиты, а также потребительские кредиты по приемлемым процентным ставкам». Обоснуем наши сомнения.

Во-первых, сегодня более 50% капитализации российского фондового рынка составляет доля компании ТЭК, в основном – компаний нефтегазового сектора.

Для сравнения, на мировом фондовом рынке доля нефтегазовых компаний составляет лишь около 15% общей капитализации; мировой рынок достаточно диверсифицирован. На протяжении 2000-х гг. на динамику отечественного фондового рынка определяющее влияние оказывают два фактора: один характеризует динамику американского рынка (SP500), а другой – котировки нефти сорта Brent и Urals. Это предопределяет не только зависимость отечественной экономики от иностранного капитала и рынка сырья, но и высокий уровень спекулятивности фондового рынка России. При этом значительные объемы ликвидности, порождаемые высоким уровнем сырьевых котировок, фактически не используются на развитие реального производства. Например, за 1998-2004 гг. в нефтедобывающей промышленности реальные инвестиции ни разу не превышали финансовые, а фондовый рынок использовался «преимущественно для укрепления позиций мажоритарных собственников». В среднем за 2004-2010 гг. российские компании лишь менее 20% своей чистой прибыли направляли на инвестиции в реальные активы. В 2011г.

оборот финансовых вложений предприятий в 10 раз превысил инвестиции в основной капитал.

В свое время Дж.М.Кейнс предупреждал, что «когда расширение производственного капитала в стране становится побочным продуктом деятельности игорного дома, трудно ожидать хороших результатов». Стоит ли удивляться, что за более чем 20-летний период постсоветской истории инвестиции в основной капитал российской экономики не достигли и 75% уровня 1990 г.? Но даже в этом объеме, лишь 16% общего ввода в действие основных фондов приходится на обрабатывающие производства.

Во-вторых, несмотря на наличие значительных золотовалютных резервов, Россия вряд ли может реально рассчитывать на роль ведущего МФЦ.

Содержательный анализ возможности превращения Москвы в МФЦ представлен в работе И. Розинского. Исследователь обращается к истории формирования МФЦ и отмечает тот факт, что превращение того или иного города в мировую финансовую столицу практически всегда было связано с экономической мощью страны, на территории которой он находился. Так в XVII в. таким центром был Амстердам – столица Нидерландов, бывших в тогдaшнем мире промышленным и торговым гегемоном. В XVIII – XIX вв. «мастерской мира» стала Великобритания, и Амстердам уступил место Лондону. После первой мировой войны финансовым центром мира стал Нью-Йорк, а в 1970-е гг. статус МФЦ получили Франкфурт-на-Майне и Токио. При этом имеется определенный временной лаг между обретения страной статуса великой экономической державы и превращения ее финансовой столицы в МФЦ. Например, у Токио ушло около 20 лет на то, чтобы экономическая мощь Японии сказалась на его мировом статусе.

В-третьих, сегодня исследователи говорят о деиндустриализации особого рода – финансово-спекулятивной, понимая под этим радикальное изменение пропорций между индустриальным капиталом и фиктивным,

подчинение первого второму. Ярким примером финансово-спекулятивной деиндустриализации является экономика Великобритании.

Угрозу неоиндустриальной модернизации страны мы связываем и с тем фактом, что в XXI в. для России по-прежнему серьезной остается проблема общей бедности: сравнительно низкую ресурсобеспеченность имеют около 60% населения. Причем речь идет о парадоксальном для государства, претендующего на державный статус, явлении – рабочая бедность.

В развитых странах проблема низкой заработной платы, как правило, не является специальным направлением политики государства, поскольку сам факт наличия рабочих мест расценивается как гарантия защиты от бедности. Россия же – «страна, в которой наличие работы не только не гарантирует защиту от бедности, но, напротив, способно ее породить».

Эксперты выявили тенденцию, которую назвали усталостью от собственной активности и определили как негативную адаптацию человека, смирившегося с существующим положением и не предпринимающего каких-либо мер по его изменению. Эксперты фиксируют, что за 2006-2010 гг. на 6% снизилось число россиян, готовых много работать, чтобы достаточно зарабатывать, и на 7% увеличилось число пассивных людей, не предпринимающих никаких усилий, чтобы жить лучше. Эта тенденция не может не настораживать. Она означает, что при сложившейся на российском рынке труда ситуации, невозможность улучшения своей жизни ни за счет интенсивной, ни за счет экстенсивной стратегии стала для многих граждан реальным фактом.

Сегодня в России размер заработной платы зависит не от уровня образования, квалификации работника, а от сферы деятельности. В свою очередь, заработная плата, будучи не увязанной с количеством и результатами труда, не выполняет основополагающие функции цены труда – воспроизводственную и стимулирующую. Отрыв доходов одних субъектов от их реального трудового вклада, и формирование доходов других

субъектов на основе присвоения рентных ресурсов, имеет негативные последствия с точки зрения мотивации совокупного работника. Поскольку большая часть работающего населения страны исключена из распределения монопольных и рентных доходов, то чувствует себя «чужой на празднике жизни». Это объясняет пассивность и апатию, тот факт, что значительная часть занятых «не видит и не чувствует перспектив продвижения, улучшения материального положения, не имеет причин для энтузиазма, подвигов и упорного труда «во имя идеи». Снижение же интенсивности труда влечет за собой не только экономические последствия, но духовно, нравственно развращает человека труда. Как говорил советский сатирик, «вы делаете вид, что нам платите, мы делаем вид, что работаем». Но это «делание вида», «работа в порядке миража» экономически и нравственно не нейтральны.

Заинтересованность человека в своей работе порождает у него благоприятные установки по отношению ко всей совокупности общественных ценностей, а отсутствие такой заинтересованности становится основой различных форм негативного поведения.

Может ли курс на модернизацию экономики изменить положение людей, не имеющих достаточного для жизни дохода? Эксперты считают, что если модернизация «будет ориентирована только на развитие информационных технологий и постиндустриальные отрасли, на которые сейчас делается упор... то останется большое количество работающего населения, которое трудится в полуразрушенных индустриальных отраслях и на плохо оплачиваемых местах социальной сферы».

Сегодня в отечественной экономике, особенно в мегаполисах, большое количество рабочих мест занимают гастарбайтеры. Проблемы, связанные с массовым вовлечением в российское хозяйство неквалифицированных, имеющих специфическую ментальность мигрантов, уже дают о себе знать. С официальных трибун импорт рабочей силы оправдывается тем, что если бы не мигранты, то некому бы было

выполнять тяжелую, грязную и не престижную работу в городах России. Вместе с тем, отрицательные внешние эффекты, связанные с привлечением малоквалифицированной рабочей силы, куда весомее и шире, нежели выгоды. По мнению О.Яницкого, «эта масса людей не только абсолютно не годна для модернизации, она противостоит ей». Схожую оценку дает А.Амосов: «Состав мигрантов таков, что они не в состоянии восполнить нехватку кадров ни для «прорывных» нано- и информационных технологий, ни для работы в машиностроении».

Что можно сделать в такой ситуации? Академик В.Ивантер, рассуждая о приоритетах развития российской экономики, в числе первых называет экономию труда. Солидарен с ним и С.Губанов, отмечая, что «труд, вложенный в орудия труда, экономит труд в сфере их применения. Принимая форму постоянного капитала, средства производства функционируют в качестве способа замещения живого труда прошлым». Более того, отсутствие такого замещения «равносильно... прекращением всякого прогресса». Очевидно, что инвестиции в механизацию грязных и социально непрестижных рабочих мест способны дать как экономию труда, так и поднять социальный статус рабочего: не уборщик, а оператор автоматизированной машины по уборке помещений.

Эксперты отмечают новый формат международного разделения труда, сложившийся к концу XX в.: Запад, на основе технологического применения результатов фундаментальной науки, создает модель продукта; Азия обеспечивает его массовое производство; Индия осуществляет сервисные услуги (бухгалтерские, информационные операции и пр.). «В этом раскладе сил Россия могла бы занять место производителя интеллектуального продукта», – считает В.Федотова. Данную позицию поддерживает и Г.Попов. Ученый утверждает, что главным резервом страны, доставшимся от прошлого, являются не сырьевые ресурсы, а интеллектуальный потенциал, что «у России есть только одна надежная

перспектива будущего – стать одним из мировых центров науки в целом, особенно теоретической».

Но, во-первых, интеллектуальный продукт, знания, технологии, с которыми обычно ассоциируют новую экономику, производятся с помощью индустриального аппарата, а не «чистого разума» И. Канта.

Во-вторых, ценность интеллектуального продукта, знаний, технологий определяется только в условиях их производительного применения, ведь стоимость создается в процессе производства. Их цена в «чистом виде» ниже, чем в производимой продукции. Промышленность на Западе высокотехнологична в том смысле, что доля технологических факторов в стоимости конечных продуктов составляет 30-60%. Индустрия высоких технологий – это именно индустрия.

Новая экономика не противостоит индустрии, а, предполагая ее технологическую модернизацию (в результате которой «индустрия из чадающей и коптящей, превращается в интеллектуальную, экологически чистую, безотходную, автоматизированную и компьютеризированную»), основывается на неоиндустриальном базисе.

С нашей точки зрения, без неоиндустриальной модернизации экономики «лучшее», что «светит» России в новом формате МРТ, это корректировка характеристики экономики с «сырьевого придатка Запада» на «сырьевой придаток Востока» (прежде всего, Китая и Юго-Восточной Азии).

В-третьих, а кто будет производить интеллектуальный продукт? За 1990-2000-е гг. Россию уже покинули миллионы образованных, активных и креативных граждан. В настоящее время «выдавливание» интеллектуальных и креативных ресурсов продолжается, маскируясь лозунгами присоединения российского высшего образования к Болонскому процессу, создания единого образовательного пространства с целью признания российских дипломов за рубежом и облегчения трудоустройства российских выпускников по всему миру. А по сути, в стране запущен проект «Философский пароход-2»,

поскольку активный и образованный социум в «экономику трубы» попросту не вписывается.

В условиях сложившейся в пореформенной России социально-экономической и институциональной системы, высокое качество и конкурентоспособность национальной системы образования, требуемой для генерации интеллектуального продукта, невозможно в принципе. Рентно-сырьевая экономика de-facto не нуждается в грамотном и креативном обществе, но признать это откровенно власть не может, все-таки живем мы в XXI в. и наши «продвинутые» соседи только и говорят, что об экономике знаний, человеческом капитале и т.п. Однако то, что происходит под лозунгом реформ российского образования, «надо рассматривать как своего рода неявную долгосрочную диверсию против национальной безопасности России», – утверждает Е.Тавокин. По мнению Б.Кагарлицкого, процессы, происходящие все последние годы в сфере образования России, закономерны: суть реформы образования – подогнать общество под уже созданную экономическую структуру – рентно-сырьевую экономику.

На сегодняшний день реалистическая оценка и учет как исторических, так и современных характеристик российского общества и экономики обуславливают пессимистический взгляд на перспективы развития России в обозримом будущем и на изменение ее геоэкономического положения. И в социально-экономическом, и в идейно-политическом плане нашу страну можно отнести к числу неблагополучных государств мира. Текущее социально-экономическое положение России по-прежнему определяется ценами сырьевого экспорта, что отражает инерционную тенденцию и свидетельствует о неготовности как бизнеса, так и государства к радикальным преобразованиям, хотя именно высшее руководство декларирует стратегию модернизации. Однако если страна в своем развитии de-facto ориентируется на добычу и обмен на мировом рынке энергосырьевых ресурсов, то ориентация на высокие технологии в такой стране носит характер «политической трескотни».

3.2 Становление социально ориентированной экономики рассматривается как главный вектор модернизации российского рыночного хозяйства

Становление социально ориентированной экономики рассматривается как главный вектор модернизации современного рыночного хозяйства. Содержание данного процесса определяется как демократизация общества при активном взаимодействии бизнеса и государства в интересах населения. Реализация обозначенного процесса требует значительных затрат времени и ресурсов, целесообразность которых будет явлена только при условии достижения социальных последствий.

Перечень показателей социальной ориентации экономики зависит от задач исследования и должен давать возможность проводить сравнения между странами. В современный исторический период одним из основных социальных последствий, а при разработке программ реформирования экономики – показателем социальной ориентации, является обеспечение социально-экономического благополучия членов общества. Единого сформулированного понятия и факторов, формирующих социально-экономическое благополучие, в экономической теории не представлено. В работах С.А. Жиронкина и Э.А. Гасанова обозначаются показатели социального благополучия, и отмечается необходимость развития инноваций для обеспечения социального благополучия. Более общее представление о благополучии и о факторах, его формирующих, можно найти в работах Е. Alatartseva и G. Barysheva.

Движение, согласно социально ориентированному вектору, требует изначального преодоления экономического спада российской экономики, повышения реальных доходов населения и обеспечения самодостаточности экономики. Это возможно при условии смены экспортно-сырьевой модели экономики, которая исчерпала свой потенциал и стала фундаментом структурного кризиса. Следовательно, выбор модели экономического развития – главная проблема преобразования современной экономики, но не

только России, но и других развитых и развивающихся стран. При этом следует отметить, что каждая страна стоит перед выбором, но этот выбор будет сделан на основе разных экономических предпосылок и геополитических условий. В частности, Россия, как было уже отмечено выше, делает выбор в условиях структурного кризиса и нестабильной геополитической ситуации.

Модернизация российской экономики по пути постиндустриализации сложна с учетом специфики экспортно-сырьевой модели экономики, модели, которая нуждается в реиндустриализации, и восстановления вторичного сектора как важнейшего этапа в процессе индустриализации и развития условий для продвижения вверх по технологической лестнице. Решение данной задачи, а также преодоление сложившегося структурного кризиса современные авторы, такие как М. Гасанов, С. Жиронкин, Р. Гринберг, С. Губанов, А. Амосов, В. Рязанов С. Румянцева и другие, связывают с неоиндустриализацией российской экономики.

На современном этапе развития теоретическая основа концепции неоиндустриализации разрабатывается как зарубежными, так и отечественными авторами, соответственно, целесообразно выделить ряд принципов и условий, способствующих ее наиболее полному раскрытию.

Основной принцип – смена ориентиров государственной структурной политики с поддержания развития экспортно-сырьевых отраслей на развитие реального сектора экономики.

Реализация данного принципа возможна в условиях:

- уменьшения объема природной ренты при реализации государством промышленной политики, которая в индустриальной стране рассматривается как системообразующее звено общей экономической политики;
- использования механизма импортозамещения, активной государственной политики, основанной на селективной поддержке предприятий обрабатывающего сектора народного хозяйства; это даст возможность переориентировать отечественные предприятия с массового

экспорта сырьевых ресурсов на продукцию обрабатывающей промышленности, т. е. диверсификация экспорта;

- использования принципов политики протекционизма (на старте неоиндустриальных преобразований) с целью оживления производственно-хозяйственной деятельности отечественных предприятий. Единственное ограничение применения политики протекционизма – это ее временное использование и последовательная замена на промышленную политику с целью диверсификации экономики и активного включения в глобальное разделение труда;

- ускорения обновления основного капитала. Это необходимо в условиях полностью изношенных машин и оборудования на 20,5 % на крупных и средних коммерческих предприятиях, достижения машинами и оборудованием срока эксплуатации в среднем 14,4 года и увеличения срока службы их значительной части в 2–2,5 раза;

- формирования потребительского патриотизма с целью увеличения внутреннего спроса на отечественную продукцию как основного стимула и ресурса восстановления и развития реального сектора экономики на основе нового технологического уклада.

Второй принцип – ориентация бюджетной политики государства на формирование доходной части бюджета не за счет экспортно-сырьевого сектора, а за счет внутренних источников с целью решения системной проблемы несбалансированности бюджета. В частности, условием для реализации данного принципа является отказ от плоской шкалы налогообложения.

Третий принцип – краткосрочное и стратегическое планирование с четко обозначенными ориентирами развития как основа включения государства в реализацию неоиндустриальных структурных преобразований экономики.

Обозначенные принципы и условия неоиндустриально-ориентированных преобразований экономики отражают направления

развития экономических отношений в структуре народного хозяйства и изменение роли государства в условиях функционирования современной экономики России.

Изменение роли государства в системе неоиндустриальных преобразований изначально необходимо рассмотреть в рамках институциональных изменений, которые включают в себя формирование институтов взаимодействия государства и бизнеса, являющихся стартовой основой преобразований. На сегодняшний день примером таких институтов можно назвать институт проектного финансирования, который даст возможность осуществить перспективные для экономики проекты на условиях приемлемых банковских ставок кредитования на длительный срок.

Активное участие государства в качестве субъекта экономических отношений, кредитора и гаранта должно раскрываться, помимо института проектного финансирования, через разработку государством инвестиционных проектов, которые позволят вовлечь в производственный процесс, основанный на 5 и 6 технологических укладах, национальные предприятия реального сектора экономики, например, такие инфраструктурные проекты, как мост через Керченский пролив. Расширение сферы участия государства оправдано тем, что государственный заказ дает возможность целевого использования средств в приоритетных направлениях развития современной экономики России.

Здесь же необходимо обозначить формирование вертикальной интеграции (определяемой такими авторами, как З. Гранберг, В. Рязанов, А. Амосов, С.С. Губанов), суть которой заключается в нулевой рентабельности промежуточного процесса производства, и межотраслевую кооперацию с целью перемещения инноваций между отраслями экономики.

Помимо описанных выше условий реализации принципов неоиндустриальных преобразований следует отметить, что диверсификация отечественного производства должна происходить в сторону роста доли интеллектуального капитала и увеличения доли конвергентных технологий.

Содержание конвергенции технологий заключается во взаимопроникновении и сочетании различных технологических инноваций. Сегодня конвергентные технологии являются предметом изучения российских ученых различных направлений науки: физики, химии, экономики. Интерес к ним проявляет Центр конвергентных технологий при Курчатовском институте, г. Москва. По мнению его директора акад. М. Ковальчука, «нужно делать ставку на развитие конвергентных технологий. Это позволит России рвануть так же, как мы в свое время рванули в атомной энергетике или космосе».

В течение последних нескольких лет поиска необходимых условий реформирования российской экономики выделяется процесс кластеризации. Кластерные условия неоиндустриализации заключаются в изменении структуры процесса размещения производительных сил на основе создания сетевых, региональных, отраслевых и инновационных кластеров с активным участием межкластерных центров, в частности межкластерных центров конвергентных технологий.

Кластерный подход разрабатывался М. Портером, а впоследствии – А.Г. Гранбергом, С. Розенфельдом, П. Потье, М. Энрайтом и др. Под кластером будем понимать группу географически соседствующих, взаимосвязанных компаний (поставщиков, производителей и др.) и связанных с ними организаций, действующих в определенных сферах и взаимодополняющих друг друга.

Потенциал развития инновационной деятельности в кластерах определяется сочетанием в них конкурентных преимуществ региона и конкурентоспособных предприятий с базисом – развитой инфраструктурой. В свою очередь, основным конкурентным преимуществом российских инновационных кластеров является ресурсная обеспеченность.

Включение в производственный процесс конвергентных технологий не в меньшей степени влияет на эффективное функционирование кластеров в экономике. Для реализации данного условия необходимо развитие

государственно-частного партнерства по разработке и внедрению конвергентных технологий, механизм реализации которого распространяется на научные организации и предприятия нескольких кластеров в рамках единого межкластерного центра.

Не менее важным условием внедрения новых технологий, а именно формирования капитала на реализацию инвестиционных проектов по перевооружению и реконструкции, является льготное налогообложение инновационной деятельности. На современном этапе развития экономической системы и законодательной базы работа по данному вопросу ведется в следующих направлениях:

- освобождение от НДС при реализации научно-исследовательских, опытно-конструкторских работ и реализации прав на результаты интеллектуальной деятельности (ст. 149 НК РФ);
- льготы при учете расходов на НИОКР (ст. 262 НК РФ);
- освобождение от налога на прибыль средств целевого финансирования (ст. 251 НК РФ);
- инвестиционный налоговый кредит (ст. 67 НК РФ);
- создание резерва расходов на НИОКР (ст. 267.2 НК РФ);
- пониженная ставка налога на прибыль дохода резидентов от технико-внедренческой деятельности (ст. 284 НК РФ).

Следует отметить, что существующие налоговые льготы не покрывают все потребности неоиндустриальных преобразований в российской экономике, так как не предполагают налоговых послаблений в промышленном освоении передовых инноваций, ведь даже такой эффективных механизм, как ускоренная амортизация, применим только для основных средств, используемых в научно-технической деятельности.

Сделаем вывод, что неоиндустриальные преобразования российской экономики должны быть основаны на системном характере ее структурных преобразований, сочетать государственное регулирование и рыночное саморегулирование в системе активного взаимодействия бизнеса и

государства. Четкое определение целей, стратегическое планирование и программирование с учетом глубины структурных проблем позволит российской экономике «встать на рельсы» неоиндустриализации. В результате произойдет смена экспортно-сырьевой модели экономики на конкурентную – с основой в обрабатывающих отраслях экономики.

Старт новой модели экономики способствует ускорению процесса воспроизводства капитала не только простого, но и расширенного, повышению производительности труда, совершенствованию технологической базы производственного процесса, т. е. первоначальному росту количественных, структурных и научно-технологических показателей, а в перспективе – формированию «экономики для человека» с адекватным уровнем объективного и субъективного социально-экономического благополучия.

Список использованных источников и литературы

Жиронкин С.А. Социальное благополучие в контексте неоиндустриальных преобразований российской экономики / С.А. Жиронкин, Г.А. Барышева, М.А. Гасанов. – Томск: Издательство «Курсив», 2014. – 194 с.

Бодрунов С.Д. Российская трагедия – деиндустриализация отечественной экономики / Научный доклад / Серия «Модернизация промышленности» / Институт нового индустриального развития (ИНИР), СПб., 2013. – 34 с.

Микрюкова Г.Ю. Культура - социально-экономический адаптер процесса деиндустриализации // Проблемы региональной экономики. – 2009. - №3. - с. 3-6

Жиронкин С.А., Жиронкина О.В. Детерминанты непрерывного социального благополучия // - с. 393-398

Гринин Л.Е. Технологический аспект социальной эволюции // Эволюция Земли, жизни, общества, разума. - Волгоград: Учитель, 2013. - 386 с.

Сокольникова Н. М., Сокольникова Е. В. Влияние индустриальной и цифровой революции на дизайн в Великобритании как исследовательская проблема для изучения курса истории дизайна в высшей школе // Современные проблемы науки и образования. – 2015. - №6.

Бережная Г.В. Новые индустриальные страны восточной Азии: факторы ускоренного экономического роста //

Губанов С.С. Неоиндустриальная модель развития и её системный алгоритм // Экономические и социальные перемены. – 2014. - №3. – с. 23-44

Сухарев О.С., Стрижакова Е.Н. Индустриальная политика и развитие промышленных систем // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. - 2014. - №15. - с. 2- 21

Пирсон К. Страны поздней индустриализации и развитие государства всеобщего благосостояния // SPERO. – 2010. - №12. – с. 53-90

Мусин М.М. Духовно-нравственные и национально-культурные аспекты неоиндустриальной парадигмы выхода из кризиса // Прогнозы и стратегии. – 2009. - №166-169

Даниленко Л.Н. Рентно-сырьевая экономика России и проблемы ее трансформации // Диссертация на соискание ученой степени доктора экономических наук. – Псков, 2014. – 359 с.

Гасанов Э.А., Клемашева Е.И. Теоретические положения социально ориентированной неоиндустриализации экономики России // Вестник науки Сибири. - 2015. - № 3 (18). – с. 156-162

Приложение

Таблица П1 - Периодичность и характеристики различных технологических укладов

Характеристики уклада	Технологические уклады					
	Первый	Второй	Третий	Четвертый	Пятый	Шестой
1	2	3	4	5	6	7
Период доминирования	1770-1830	1830-1880	1880-1930	1930-1970	1970-2010	2010-2050
Технологические лидеры	Великобритания, Бельгия	Великобритания, Франция, Бельгия, Германия, США	Германия, США, Великобритания, Франция	США, СССР, Западная Европа, Япония	США, страны ЕС, Япония	США, страны ЕС, Китай, Япония
Развитые регионы	Германские государства, Британия	Западная Европа	Европа и Россия, Северная Америка, Япония	Европа и СССР, Северная Америка, Япония, новые индустриальные страны (НИС)	Европа и Россия, Северная Америка, НИС, Бразилия, Австралия	Евразия, Америка, Австралия
Ядро технологического уклада	Текстильная промышленность, машиностроение, металлургия, строительство каналов, водяной двигатель	Паровой двигатель, железнодорожный и паровой транспорт, угольная отрасль, станкостроение, металлургия	Электротехническое, тяжелое машиностроение, прокат стали, линии электропередач, неорганическая химия	Автомобилестроение, цветная металлургия, производство товаров длительного пользования, синтетические материалы, органическая нефтехимия	Электронная промышленность, программное обеспечение, телекоммуникации, роботостроение, производство и переработка газа, информационные услуги	Наноэлектроника, наноматериалы и наносистемная техника
Ключевой фактор	Текстильные машины	Паровой двигатель, станки	Электродвигатель	Двигатель внутреннего сгорания, нефтехимия	Микроэлектронные компоненты	Нанотехнологии, клеточные технологии
Формирующееся ядро нового уклада	Паровые двигатели, машиностроение	Электроэнергетика, тяжелое машиностроение, неорганическая химия	Автомобилестроение, органическая химия, производство и переработка нефти, цветная металлургия	радиоэлектроника, авиастроение, газовая промышленность	Нанотехнологии, молекулярная биология, геномная инженерия	

Преимущества данного технологического уклада по сравнению с предшествующим	Механизация и концентрация производства на фабриках	Рост масштабов и концентрации производства на основе использования парового двигателя	Повышение гибкости производства на основе использования электродвигателя стандартизация производства, урбанизация	Массовое и серийное производство	Индивидуализация производства и потребления, повышение гибкости производства	Резкое снижение энерго- и материалоемкости производства, конструирование материалов с заданными свойствами
--	---	---	---	----------------------------------	--	--

